

От автора

К роману «Осенний лис» у меня отношение особое. Двадцать лет прошло со времени его публикации и почти двадцать пять — с момента написания первых строк. Так сложилось, что у него никогда не было нормального редактора — всё ограничивалось литературной правкой, не всегда качественной. Сегодня многое изменилось. Я стал старше, прибавилось опыта. Курсы литературного мастерства, которые я много лет веду один и в соавторстве, заставляют меня строже относиться к своим старым текстам. Сейчас я вижу недостатки, которые ранее скрылись от моего внимания.

Я благодарен издательству «ЭКСМО» и лично Дмитрию Малкову, с подачи которого произошло переиздание этого романа в наши нелёгкие времена. К новому изданию я настолько серьёзно переработал текст, что впору говорить о второй авторской редакции. Велико было желание вообще всё переписать, но я отказался от этого соблазна. Что сделано, то сделано.

Глядя с высоты прожитых лет на себя, двадцатилетнего, я вижу порывистого, угловатого, но яркого и самобытного автора. Главной трудностью оказалось сохранить эту «непричёсанность», которая выделяет книгу из ряда ей подобных и за которую, вероятно, её до сих пор хвалят и ругают. Конечно, мой дебютный роман несовершенен, но почему-то именно он остаётся самым популярным из всего, что написано мной. Может быть, причина в этой самой «несовершенности»? Искренность чувств, свежесть подачи, обаяние юности, желание раздвинуть каноны жанра, попробовать новое, пусть даже в ущерб читательскому восприятию, — вот главные достоинства этого романа.

Всему своё время. Тогдашний «я» не смог довести его до ума: ему не хватило знаний и опыта, он был слишком упрям и самоуверен. Но сегодняшний «я» ни за что не написал бы подобный роман: он научился смотреть на мир так наивно и восторженно. И это прекрасно, что сегодня мы встретились и поладили, хотя это было нелегко.

А теперь читайте. Предисловие не должно быть длинным.

Искренне ваш
Дмитрий Скифюк

Оправа:
ГОВОРЯЩИЙ

1

Человек на вершине холма наблюдал, как рождается день. Он сидел здесь неподвижный, словно камень, на фоне медленно светлеющего неба. Казалось, он возник ниоткуда, будто родился этой ночью — лишь только первые лучи рассвета тронули макушку старого холма, а там уже маячил этот тёмный силуэт. У ног человека лежали мешок и посох, за спиной был приторочен меч.

Минуло полчаса. И час. И полтора. Июльское солнце выпило росу, воздух потеплел. Утренний туман пополз в овраг. Поднявшийся ветер зашуршал листвой, волнами всколыхнул высокую траву, коснулся длинных спутанных волос человека на холме.

Человек не шевелился. Он ждал.

От леса, зеленеющего невдалеке, отделилось маленькое тёмное пятно. Помедлило, пересекло дорогу и двинулось через луга к холму, постепенно увеличиваясь. Вскоре можно было различить — по лугу шёл медведь. Приблизился — огромный, бурый, косматый, долгое мгновение смотрел на человека пристально и цепко, словно спрашивал, затем уселся прямо где стоял, на склоне, в двух шагах от человека.

«Зачем позвал?»

Вопрос растаял в воздухе, прежде чем он был произнесён, осталось только эхо. Но человек его услышал.

— Мне нужен твой совет, — сказал он вслух и, помолчав, добавил: — Я знаю, если ты пришёл, значит, согласен мне помочь.

«Ты знаешь, что тебе придётся заплатить?»

— Я знаю. — Человек кивнул.

Медведь уселся поудобнее, затем и вовсе лёг на траву. Вздохнул.

«Рассказывай».

— Какая будет плата?

«О плате поговорим потом. Рассказывай».

— С чего начать?

«С начала».

Человек задумался. Взъерошил рукой непослушные рыжие волосы.

— Это будет долгая история, — сказал он. — Хватит у тебя терпения и сил дослушать до конца? Я слышал, будто вы должны есть сутками, с утра до вечера...

Медведь в ответ на это лишь нетерпеливо отмахнулся.

«Времени у нас достаточно, — сказал он. — Ты выбрал земляничную поляну — это хорошо. К тому же я чувю мёд в твоём мешке».

— Да, я принёс.

«Тогда начнём».

ЖУГА

Вечерело.

Красное закатное солнце, медлительное в середине лета, уходя за горизонт, последними мягкими лучами освещало пологие уступы Хоратских гор. Тёмный хвойный лес на их склонах казался издали пушистой шубой, которой закат придавал дивный оттенок старого вина. Лесные птицы сбивчиво и спешно допевали дневные песни, и где-то в чаще ухнул, просыпаясь, филин — птица мудрая и мрачная: для него начиналось время охоты.

За узким ручьём, посреди зеленеющей долины притулилась деревушка — десятка полтора глинобитных домиков, крытых золотистой соломой, ветхие, но ещё прямые плетни, увитые хмелем и вьюнком и увенчанные крынками и горшками, хлевы, сараи, деревянная церквушка и придорожная корчма, немногим уступающая ей в размерах. Квохтали куры, мычала скотина, но не громко и суматошно, а спокойно, с ленцой. Бранились две хозяйки, что-то не поделившие. Детей на улицах не было — вечер, большинство же мужчин, влекомые жаждой, желанием почесать языки и быть подальше от сварливых жён, спешили навестить корчму. Трое четверо из них уже подпирали спинами столбики навеса, выйдя то ли проветриться, то ли просто от нечего делать. За околицей начинались зеленеющие поля — начинались и тянулись на юг и на запад, сменяясь тёмной зеленью лугов и длинными островами ещё более тёмного леса. Всё дышало миром и спокойствием.

По пыльной жёлтой ленте дороги, спускавшейся в долину с горных склонов, пружинистой походкой пастуха-горца шёл юноша с котомкой за плечами. Правая его рука сжимала гладкий ясеневый посох, сбитый и потёртый оконечник которого мог бы многое рассказать знающему человеку. Холщовые штаны и рубашка, ещё крепкие кожаные царвули¹ и овчинный кожух-безрукавка — всё было ношеным и выцветшим, но простым и добротным. Сам путник, хоть и загорелый, казался чересчур светлым для этих мест, наверное, из-за выгоревших рыжих волос, уже изрядно отросших. А может, виной тому были пронзительно-синие глаза

¹ Царвули — лёгкие открытые кожаные башмаки с обмоткой, распространённые у южных славян, болгар и некоторых других народов (болг.).

или ещё что. На вид ему было лет семнадцать-двадцать — тот неуловимый возраст, когда год-другой, а то и все пять не играют роли, не важно, в какую сторону от двадцати. Усов и бороды путник не носил.

Узкий белёсый шрам, рваные края которого тянулись от запястья к локтю на левой руке, слишком бросался в глаза на загорелой коже — короткий рукав рубахи, наверняка с чужого плеча, не прикрывал его. Намётанный глаз быстро углядел бы и второй шрам — над ключицей, такой же рваный и нехороший, нечестный, а когда парень останавливался смахнуть рукавом пот со лба и светло-рыжие пряди цеплялись за ухо, открывался ещё один косой белый рубец — на правом виске, где под кожей пульсировала синяя жилка. Владелец умной головы смекнул бы, что у путника наверняка есть и другие отметины, да и шёл он странной походкой, не поймёшь сразу, чем именно странной.

У ручья, через который был переброшен лёгкий мостик без перил, юноша постоял в задумчивой нерешительности, оглядывая деревню, напился воды, смыл с лица дорожную пыль и, подхватив посох, зашагал к корчме.

* * *

Влашек отлепился от стены, заметив интересное, и попытался сфокусировать пьяный взгляд. Кто-то шёл по дороге, то и дело оглядываясь по сторонам. Посох глухо постукивал в такт шагам.

Сегодня у Влашека с утра ничего не ладилось. Сначала разругался с женой из-за непропечённой ковриги, а когда стервова принялась бить посуду, плюнул на всё и ушёл в поле. Но и там не везло — коса как заговорённая врезалась в землю, да так, что поломался черенок. Потом конь («У, мешок травяной!» — у Влашека даже сейчас кулаки зачесались), когда его запрягали, ухитрился укусить хозяина. И в довершение всех напастей — будто этого было мало! — после третьей... нет, четвёртой кружки проиграл в кости Яну-закорючке пять менок. Пять менок!

Он мрачно закрихтел, прикидывая, как встретит это известие жена, и даже малость протрезвел, но только самую малость. Впрочем, и этого оказалось достаточно, чтобы разглядеть одинокого странника, остановившегося неподалёку.

Влашеку до смерти хотелось кого-нибудь поколотить.

Путник, остановившись, улыбнулся, не разжимая губ. Кивнул:

— Вечер добрый.

— Для кого добрый, а для кого и не очень, — буркнул Влашек, почёсывая волосатой рукой потную красную шею. — Откуда путь держишь и куда?

— Иду издалёка. — Парень мотнул вихрастой рыжей головой в сторону гор. — А куда — судьба подскажет. Заночевать тут у вас хочу, а может, и пожить с недельку. Сеновал да хлеба ломоть — мне многого не надо. Если что, отработаю. Работы я не боюсь, вот только...

— Что «только»? — ехидно осведомился Влашек.

— Ничего. Может, чего подскажешь?

Влашек ухмыльнулся, подбоченился и, оглянувшись на своих дружков, стоявших у крыльца, объявил во всеуслышание:

— За проход в Чедовуху платить надобно — приказ такой вышел, ежели не слышал. А не хочешь — ходи стороной. Так что плати. Две менки.

Улыбка юноши стала холодной. Казалось, улыбаются одни глаза — сжатые в усмешке губы не сулили ничего хорошего.

— Где ж это видано, чтобы за проход платить? — спросил он. — Да и кому? Уж не тебе ли?

— Можно и мне, — снисходительно согласился Влашек.

— А ты кто будешь? — всё ещё миролюбиво спросил пришелец.

— Кто, кто! — Влашек начинал сердиться уже по-настоящему. — Не твоё дело. Сказано: плати или проваливай. Ну!

Трое отделились от корчмы и подошли, почувяв забаву. Юноша коротко взглянул на них и снова повернулся к Влашеку. В вечерней тишине коротко упали слова:

— Денег у меня нет.

— Тады, — хмыкнул Влашек, — развязывай мешок. Сами поглядим, чего с тебя взять. — Он ухарски подмигнул приятелям и расплылся в ухмылке. Те засмеялись.

— Не развяжу, — спокойно и безо всякого вызова ответил рыжий. — Уйди с дороги.

— Ха!

— Платить я тебе не стану. Отойди.

— Да ты, я вижу, борзый! — Влашек размахисто шагнул вперёд и попытался цапнуть мальчишку за ворот, но ухватил лишь воздух — двумя быстрыми шагами парень отступил назад и вбок и, взяв посох в обе руки, поднял его перед собой.

— Дубинкой, так? — В кулаках Влашека заплясал весёлый зуд. — Ах, ты значит, так? Ну так на тебе!

Влашек недаром слыл забиякой. Ещё мальцом он верховодил в потасовках с парнями из соседних деревень, и многие помнили его затрещины. Силой его Бог не обидел, он был выше этого нахального паренька и намного шире в плечах, но сегодня полоса неудач, видимо, ещё не кончилась.

Влашек готов был поклясться, что метил в лицо, но в последний миг противник непонятно как извернулся, и тонкий конец посоха ткнул Влашека в грудь так, что потемнело в глазах. Влашек изловчился, сграбастал парня за рубаху, рванул, ударил... и опять промазал: чужак присел, коротко двинул плечом, вырвался, а в следующий миг посох, описав дугу, ударил Влашека под колени. Он рухнул на спину и остался лежать, ошалело вращая глазами.

«Влашко бьют!» — крикнул кто-то, и трое приятелей бросились на подмогу. Один потянул из плетня кол, его примеру поспешил последовать

второй. Третий кол был вбит крепко, и последний из троицы, чернявый курносый недомерок, поспешил за остальными с голыми руками. Из дверей корчмы, привлечённые шумом, показались головы любопытных поселян.

В двух шагах от незнакомца они остановились, напряжённо дыша, переминаясь и прикидывая, как сподручнее его обойти. Рыжий поднял взгляд, криво, невесело улыбнулся. Во рту его не хватало нескольких зубов.

— Дайте пройти, — сказал он. — Я не хочу с вами драться.

— Может, не надо? — спросил один, покосившись на приятелей. — Он же сам...

— Чё с ним цацкаться! — крикнул самый горячий, а может, просто самый пьяный. — Бей его, ребята!

Троица ринулась в атаку.

Чужак шагнул вправо, влево, посох в его руках взметнулся, как живой, и пока драчуны соображали, что к чему, гибкий ясень уже гудел в воздухе, отбивая беспорядочные удары, гуляя по спинам и бокам, сбивая с ног. Рыжий парень кружил, отступал, уклонялся, отбивался и бил сам, отделяваясь царапинами и ушибами, пока все трое не растянулись на земле.

И тут случилось неожиданное. Побивая буйную троицу, паренёк забыл про Влашека. Тот меж тем поднялся, метнулся вперёд и вцепился в его заплечный мешок, сам не зная зачем. Пришелец рванулся, ветхие завязки лопнули, и мешок остался в руках растерянного Влашека. Мгновение он стоял, соображая, что делать, и бегом припустил по дороге.

— Стой! — с отчаянием вскричал юноша. — Эй, погоди! Да стой же! Ах... — Он бросился вдогон, но пробежал несколько шагов и встал, бессильно застонав. И сразу стало ясно, отчего походка его казалась странной: парень хромал. Хромал на правую ногу, несильно и даже не очень заметно, но бежать он не мог.

А Влашек убежал. Бросив посох, странник оглянулся на корчму, на три лежащих тела, которые уже начинали шевелиться, на появившихся на улице поселян, снова на убегающего Влашека... Лицо его исказилось. Он вытянул руку Влашеку вослед и выкрикнул непонятное — не то ругательство, не то угрозу с раскатистым «р» посередине.

Пальцы простёртой руки сжались в кулак.

Влашек бежал уже из чистого упрямства, изредка оглядываясь и скаля зубы. Мешок болтался у него за спиной на уцелевшем ремне. И вдруг поселяне ахнули: ноги Влашека стали заплетаться, он ускорил шаги, но бежал уже назад спиной вперёд. Ещё два шага — и он взвыл: «Ай-я!!!» Лицо его исказила гримаса. Не в силах устоять, он упал, горстями хватая жёлтую пыль, но неведомая сила волокла его назад на место драки, где стоял и словно бы вытягивал невидимую лесу угловатый рыжий паренёк. Влашек корчился, чертил руками борозды, ломая ногти и сдирая кожу. «Карваш!» — ахнули в толпе. Народ задвигался, зашептался. Кто-то бро-

сился бежать, многие поразевали рты: «Чур меня!», «Господи Иисусе!» Хмель быстро выветривался.

...Опомнился Влашек у ног незнакомца. Деревенские притихли, окружив обоих полукольцом, насторожённо ожидая, чем всё кончится. Подходить близко, однако, опасались.

Парень оглянулся на них, присел, забрал мешок, похлопал по нему, сбивая пыль. Встал, поднял посох.

— Мир, поселяне, — устало сказал он. — Я не хотел драки. Где живёт деревенский голова?

Старый Шелег вышел вперёд, подслеповато щурясь.

— Мир и тебе, путник. Я здесь старостой, говори, чего хочешь.

— За проход через вашу деревню и вправду надо платить?

Влашек закричал, посмотрел на ладони. Пальцы были в крови. Трое его приятелей, потирая бока, угрюмо стояли поодаль. Шелег нахмурился.

— Вы, трое, — он поманил пальцем, — сказывайте, как дело было. Кто свару затеял? Говори ты, Илеш.

Длинный и тощий Илеш замялся:

— А что мы? Ну, Влашко, он же пошутить... Да дурость это всё... вот...

— А я сразу понял, — зататорил самый младший. — Не, когда он меня дубиной... это... Я сразу понял — неспроста это! Он, поди ж ты, один против нас, а мы... А я его...

Затрещина прервала словесный водопад.

— Угомонись, — рассудительно сказал третий приятель, опуская руку. Все кругом невольно заулыбались — троих забияк отлично знали в деревне. Ухватистый темноволосый Балаж, получивший в драке невиданных размеров фингал, оглядел односельчан и опустил взгляд.

— Сам Влашко полез, — нехотя признал он. — А мы не разобрались спьяну, что да как. Оно, конечно, зря. Волох это, не иначе. А только прав он, чё говорить...

— Волох не волох, а задираться не след! — Шелег оглядел побитую троицу. — Хороши богатыри, неча сказать — один малец четверых побил... Звать тебя как, прохожий человек?

— Жуга, — поколебавшись, ответил тот, роняя ударение на «а». Все невольно посмотрели на его рыжую шевелюру, смекая, что к чему.

— Влашек озоровал, — признал старик. — Хоть и вырос, да ума не нашёл. А и ты тоже хорош: где кудесничать решил! Ты смотри не балуй! А за проход да погляд денег не берём — дело известное... Откуда идёшь, чего ищешь?

— На постой остановиться хотел, работу сыскать на время. Сам с горя, а иду издалёка, долго рассказывать.

Шелег нахмурился, пожевал усы.

— Ну, добро, — наконец решил он. — Поступай как знаешь, мы угрозы чинить не будем... Да крест-то есть на тебе? — вдруг спохватился он. Жуга кивнул, похлопал себя ладонью по груди.

Старик совсем успокоился. Зашевелились и другие — мало ли что на свете бывает!

— Ну, пошли, что ль, — сказал Шелег и первым направился в кабак. Остальные поспешили за ним. Илеш задержался на секунду, наклонился к Влашеку.

— Слышь, ты это... вставай, — неуверенно сказал он, словно боялся, что тот уж не встанет. Влашек опёрся оземь дрожащими руками, поднялся на четвереньки, затем во весь рост.

И только теперь заметил, что штаны у него мокрые.
Насквозь.

* * *

Корчма была светлой, с белёными стенами и низким чистым потолком. В воздухе витал холодный табачный дым — многие, вернувшись, снова закурили. Летали мухи. На столах тут и там стояли глиняные кружки с недопитым пивом. Жуга направился в угол у окна, сел за стол. Поселяне с лёгким опасением поглядывали, как он развязывает мешок. На столе появились хлеб, лук, кусок козьего сыра и короткий, с резной ореховой рукоятью нож. Харч у прохожего был свой, но деньги, видно, у него водились, что бы он ни говорил. Кабатчик, добродушный лысоватый толстяк по имени Михеш, сейчас, правда, несколько мрачноватый, подошёл к нему, когда о доски столешницы звякнула монетка.

— Будь здоров, путник, — сказал он. — Чего желаешь?

— Будь и ты, хозяин, — сказал он. — Почём пиво твоё?

— На менку кружку налью... — Монета не двинулась с места. — Э-э... две, — поспешил поправиться он. Кругом заусмехались.

— Годится, — одобрил Жуга. — Принеси одну.

Менка скрылась в кошеле у Михеша, а перед пришельцем появилась глиняная кружка с шапкой пены и полушка на сдачу. Жуга пригубил, кивнул довольно: «Доброе пиво» — и принялся за еду. Ел он неторопливо, совершенно обыкновенно, и вскоре это зрелище всем наскучило. За столами возобновились прерванные разговоры, сдвинулись кружки. Кто-то засмеялся. Забрякали кости в стаканчике.

— Хлеб да соль, — послышалось рядом.

Жуга поднял взгляд.

У стола стоял такой же, как и он, парень лет двадцати, с курчавой русой бородой, одетый в длинную чёрную свитку. Кружку свою он уже поставил на стол и теперь усаживался на скамейку напротив. Жуга не стал возражать, лишь кивнул в ответ.

У его нового собеседника были весёлые карие глаза, добродушное лицо и длинные волосы, когда-то подстриженные под горшок. Сложением он был покрупнее, чем Жуга, а вот в росте уступал, говорил сильно окая — и вообще выглядел нездешним.

— Меня Реслав зовут, — продолжал он.

— Жуга, — кивнул Жуга.

— Откуда родом будешь?

Жуга обмакнул луковое перо в солонку, с хрустом сжевал. Запил пивом. Ничего не ответил, лишь покосился на посох у стола — здесь ли. Но собеседник оказался не из обидчивых.

— Я сам с севера, с Онёры-реки, может, слышал? Тоже, вот, брожу по свету. Видел я, как ты драчуна потянул. Ловко! Где волховать-то сподобился?

— Где — долго рассказывать, — нехотя сказал травник. — Да и зачем тебе?

Реслав широко, по-доброму улыбнулся.

— Это можно. Ходил я в Марген, к Тотлису-магу, думал колдовской премудрости обучиться, потому что сизмальства к наукам тягу имею...

Жуга так резко вскинул голову, что мелькнул в разлёте волос шрам на виске.

— К магу? — прошептал он и уже нормальным голосом спросил: — И что у мага? Учился?

— Да в учениках у него недолго пробыл, — усмехнулся Реслав. — Как деньги кончились, уйти пришлось. Может, ещё поглядел бы маг, оставить меня или прогнать, да приятель мой, Берти Шварц, бестолочь, даром что папаша у него богатый, взорвал всю его лабораторию на хрен. Ну, Тотлис и осерчал. Я в чудесах не мастак, но чему успел, научился, потому и интересуюсь — ты тоже, гляжу, в этом кумекаешь.

Жуга слегка расслабился, черты его лица смягчились.

— С гор я иду, — сообщил он.

— Вижу, что с гор, — кивнул Реслав. — Посошок, вон, твой на макушке стёртый, там, где валашка была — топорик ваш горецкий... А вот какого ты роду-племени, в толк взять не могу. На волоха вроде не похож. Карваши, хоть и с ведовством знают, черноволосые, словно дёгтем намазаны. Вазуры одеваются не так и бороду носят, а у ладов серьга в ухе и ростом они пониже тебя... Кто ты будешь?

— У волохов я рос, — Жуга отодвинул кружку, — а что лицом с ними не схож — не моя в том вина. Как отца с матерью звали, не ведаю — подкинутый я. Старик один меня вырастил, сам травознай да заговорник был, он и учил всему, что знаю... Потом пастухом был. Такое вот...

— А-а...

Реслав помолчал, заглянул в кружку, покачал на ладони тощий кошель. Вздыхнул.

— Лет тебе сколько?

Жуга пожал плечами:

— Я не считал, другие и подавно. А тебе?

— Мне-то? Девятнадцатый идёт... Ты, я слышал, подработать хотел?

— Было дело.

— А что делать можешь? Грамоту, цифирь знаешь?

— Какой пастух счёта не знает! Только, наверное, ни к чему это здесь. Что могу? Пасти могу, само собой. Белить-красить тоже. Дрова рубить могу, сено косить... Изгородь ставить...

— А крышу?

— Что?

— Крышу крыть можешь? Меня тут хуторянин зазывал хату его наново перекрыть. Я бы взялся, да одному несподручно. Видишь, вон сидит, усатый.

Жуга печально покачал головой:

— На крыше не смогу. — Он похлопал ладонью по ноге. — Не дай бог грохнусь, век потом не заживёт.

Реслав кивнул с пониманием.

— Где покалечил-то? — спросил он. Жуга закрихтел, ничего не ответил. — Ну, ладно, на крышу сам полез. Снизу-то подмогнёшь?

— Надо думать... А платят сколько?

— Сейчас прознаем. — Реслав повернулся к соседнему столу. — Довбуш! Эй, Довбуш!

Через полчаса оба уже шагали вслед за Довбушем на недалёкие выселки, подрядившись работать за харчи, ночлег и десять менок на брата — хозяин клонул на дешевизну.

Стемнело. Высыпали звёзды, яркие, мерцающие в тёплом воздухе. Реслав старался не спешить, принаравливаясь к спутникам. Жуга, казалось, видел в темноте что твоя кошка, в то время как хуторянин поминутно спотыкался и поругивался. Довбуш был полноват, пыхтел, отдувался — немудрено, что сам не мог сработать кровлю.

— Эй, чудодей, как там тебя... Жуга! — окликнул он. — Посветил бы — луны-то нет сегодня... А, пропасть... — Нога его попала в очередную колдобину.

Жуга задумался на секунду.

— *Альто-эйя*, — негромко сказал он. Макушка посоха вдруг осветилась синеватыми сполохами. «Эва!» — ахнул хуторянин. Жуга повёл пальцами, пытаясь сделать свет поярче, но добился лишь того, что огонёк вовсе погас.

— Ах, незадача. — Реслав остановился. — Теперь не повторишь... Ну-тко, я попробую. — Он забормотал что-то вроде: «Это сюда... надо быть на конец, значит... От... Ага...», затем скомандовал: «*Эт'Северепес!*» — и замер в ожидании результата.

Перед лицом его заплясал в воздухе на тоненьких крыльях ночной светлячок. Реслав крикнул смущённо. Довбуш хохотнул.

Появилась вторая светящаяся точка. Через миг к двум добавилась третья, пятая, десятая... Вскоре перед Реславом клубилось, плясало целое облачко.

— Хватит! Довольно! — замахал он руками, но облако продолжало расти. — От чёрт! — ругался Реслав, отмахиваясь от мошкеры, и лишь когда

все трое добрались до хаты, махнул рукою. — Сгинь! — И светлячки рассеялись в ночи.

— Ну, это...

— Да, дела, — крикнул хозяин. — Вы тут со своими наговорами не очень-то, не очень! И мне спокойнее, и вам охоты озоровать меньше.

Для ночлега Довбуш выделил работникам сеновал. Реслав долго ворочался, бормотал, шлёпал комаров. Окна хаты давно уже погасли. Где-то далеко стонала ночная пичуга.

— Жуга, — позвал Реслав. — Эй, Жуга! Или спишь?

— Мм... Чего?

— Я всё спросить хотел — если у тебя в мешке одна дребедень, что ж ты на того задиру так осерчал?

— Травы у меня там, — сонно ответил Жуга, — колено лечить, да и вообще. Я и забоялся: ну как этот дундук со злости всё повыбрасывает, денег не нашедши... Можно, конечно, ещё насобирать, но ведь год на это уйдёт... А зачем ты два «ре» в наговор поставил?

Реслав смущённо заворочался.

— Это когда «Северерес»? Ну, эт-га... навроде эха, значит. Эх, забыл, как по-научному. Ранез... Ноза... Чтобы сильнее было, в общем. Ах, лучший! — Он сел, с шорохом разметав сено. — Так вот отчего светляков не остановить было!

Жуга помолчал.

— Мудрёно, — наконец сказал он. — А цвет?

— Жёлтый... Как глина.

— Мудрёно, — задумчиво повторил Жуга.

Реслав захихикал, толкнул приятеля локтем.

— Слышь, Жуга, а как ты битюга этого заставил... ну, это... в штаны, а? Как, а?

— Не заставлял я, — засопел травник. — Сам он... — И тоже засмеялся. Смех его был тихим, словно шуршащим, но искренним. Отсмеявшись, оба зарылись поглубже в сено и погрузились в сон.

В раскрытых дверях сарая показался неясный сгорбленный силуэт, постоял секунду-другую, прислушиваясь к доносящемуся сверху сопению, и исчез бесшумно, будто не был вовсе, только ветерком повеяло. Где-то в деревне — еле слышно было отсюда — забрехал пёс, и всё стихло.

Ночь вступила в свои права.

* * *

Реслав проснулся поздно и некоторое время лежал неподвижно, полужакрыв глаза. Вставать не хотелось. Под высокой шатровой крышей плясали в солнечных лучах пылинки — кровля была худой. «Уж не её ли мы чинить подрядились?» — мелькнула беспокойная мысль, мелькнула и пропала, но намётанный глаз деревенского паренька уже высматри-

вал прорехи — вот тут закрыть нужно, и тут, и вот тут... А здесь и вовсе перестилать...

Потревоженный раздумьями, сон ушёл окончательно. Реслав сел, разбрасывая сено, потянулся. Зевнул. Осмотрелся по сторонам.

Жуга исчез. Примятое сено ещё хранило форму тела, но и только. «Ранняя пташка!» — одобрил Реслав, подобрал полы своей свитки, подполз к краю сеновала и потянул к себе лестницу.

Жуга отыскался во дворе. Длинный, поджарый, одетый в одни лишь выцветшие штаны, он только вытянул из колодца ведро воды и теперь умывался до пояса, шумно фыркая и тряся головой. Брызги летели во все стороны. Взгляд Реслава скользнул по его спине, невольно задержавшись на чудовищном шраме — такой же белёсый и рваный, как остальные, он косо спускался от шеи через лопатку и исчезал, немного не доходя до правого бока. Мышцы здесь срослись неровно, и спина казалась искривлённой. «Эва как приложило! — ошеломлённо подумал Реслав. — Может, и рёбра поломало... Чем это?»

Сейчас, без рубашки, Жуга казался вовсе даже не худым. Мускулы его сидели как-то по-особенному плотно и ладно, жира не было вовсе — он казался гибким и ловким. Реслав, коренастый и широкоплечий, как все северяне, никогда не видел ничего подобного. Заслышав шаги, Жуга обернулся.

— А, Реслав! — Рыжие его волосы топорщились, словно пакля. — Долго спишь, скажу я тебе.

— И тебе доброе утро. Куда спешить-то? — Реслав тем не менее почувствовал себя уязвлённым. Вдобавок собственная одежда после ночёвки в сене показалась ему мягкой и пыльной до безобразия. Стянув свитку через голову, он остался в одних портках и подвинул к себе ведро.

— И то верно, — согласился Жуга и огляделся. — Какая крыша-то? Эта, что ли?

— А? — Реслав покосился на хату Довбуша. Кровля и впрямь была хуже некуда. Рядом под навесом лежала большая копна свежей соломы на перестилку. — Может, и она... Фс-с!..

Вода оказалась уж очень холодной. На миг у Реслава захватило дух, но вскоре он вошёл во вкус, вымылся с головой и лишь после этого напялил свитку, предварительно её встряхнув. В воздухе облачком за клубилась пыль, бродившие по двору куры в панике бросились врассыпную.

Жуга, отставив ногу и задравши голову, рассматривал из-под ладони крышу хаты. На его груди, на волосяной верёвочке висел крестик из прозрачного жёлтого камня, похожий на букву «Т» с ушком на верхушке. Реслав видел такой впервые, но камень признал сразу — электрон¹. Он приблизился и вновь не удержался — покосился на шрам. Словно почувствовав, Жуга обернулся, перехватил его взгляд.

¹ Электрон — янтарь (*греч.*).

— Кто это тебя так? — неловко спросил Реслав. — Звери?

— Люди, — угрюмо буркнул травник и, подумав, добавил непонятно: — И земля.

— А-а... — протянул Реслав.

— Эй, работнички! — послышалось за воротами. Оба обернулись.

Довбуш на телеге, влекомой серой в яблоках лошадей, привёз новый ворох соломы, остановил колымагу посреди двора, скомандовал:

— Сгружайте, я сейчас! — и направился в дом.

«Ганка! Хэй, Ганка!» — послышалось затем. «Оу!» — отозвался звонкий девичий голосок. «Еды работникам дашь, нет?» — «Несу!»

Реслав сбросил под навес очередную охапку, поднял руку утереть пот, да так и замер.

— Эй, ты чего... — начал было Жуга и тоже смолк.

Перед ними с глиняной миской в руках стояла Ганна.

Стройная, загорелая, с лентой в волосах, в простой домотканой юбке и вышитой рубашке, она была необыкновенно, чудо как хороша! Чёрная коса, небрежно переброшенная через плечо, юная грудь, так и распирающая рубашку, алые губы, а глаза... Казалось, в ней было всё очарование юности в тот момент, когда в девочке просыпается женщина, и чувствовалось: ещё год-полтора — и не будет краше её никого во всей округе. Реслав почувствовал, как бьётся сердце, и подумал, что ещё миг — и он утонет в этих больших, широко раскрытых, васильково-синих...

— Ну, что уставились? — рассмеялась та, поставила миску наземь, снова сбегала в дом и вернулась с ложками, краюхой хлеба и большим арбузом. — Ешьте, работяги! — сверкнула белозубой улыбкой и исчезла окончательно.

— Дочь его? — спросил Жуга, глядя ей вслед.

— Н-да... — вздохнул Реслав. — «Хороша Маша, да не наша...» Слышал я про Довбушеву дочку, но такой красоты увидеть не чаял!

— А что так? Что она?

— Да Балаж вроде как к ней посвататься хочет по осени. Слышал я краем уха, что и он ей люб. Вот...

— Да... — Жуга кивнул, улыбнулся невесело. — А хороша!

— Истинный бог, хороша! — согласился Реслав.

В миске оказалось густое крошево из овощей, яиц и лука, щедро сдобренное солью и сметаной и залитое холодным квасом. Приятели быстро очистили её, умяли хлеб и разрезали арбуз. Тот оказался красным и сладким. Реслав довольно крикнул — Довбуш оказался щедрым на харчи. Жуга тем временем позвал хозяина.

— Закончили трапезничать? — осведомился тот.

— Воды горячей не найдётся ли? — спросил Жуга.

— А сколь тебе?

— Кружку... нет, две.

Довбуш скрылся в избе, вернулся с дымящей кринкой.

— На. Да не мешкайте — солнце уж высоко.

— Уж постараемся, — заверил его Реслав и поволок с сеновала лестницу.

Жуга развязал свой мешок, разложил на доске связки сухих трав и кореньев. Заинтересованный Реслав подошёл. Тут были полынь, тысячелистник, веточки можжевельника с ягодами, костенец, остролодочник, борец... Чуть в стороне лежали пижма, бедренец-камнеломка, карагана, кора с дерева и ещё много трав и корешков, названия которых Реслав не знал. Жуга налил кипятку в миску, бросил трав, положил чистую тряпицу. В крынке тоже заварил что-то тёмно-коричневое, с колючим мятным запахом. Настой из крынки выпил, а тряпкой, завернув штанину, повязал колено. На всё про всё ушло минут десять, после чего травы снова скрылись в мешке.

— Ну, пошли, что ли.

Реслав приставил лестницу и полез на крышу.

* * *

За день сделали четверть всей работы. Крыли в два слоя. Реслав скидывал старую солому, киянкой подколачивал где надо стропила, укладывал новые вязки — тугие, золотистые, пахнущие терпкими летними травами. Босоногий рыжий Жуга суетился внизу, подгребая солому, увязывая её в пучки и споро подавая наверх. Отсюда, с крыши, его хромота была особенно заметна.

Вечером, отужинав кашей с маслом и молоком, сдали работу хозяину и полезли спать на сеновал.

Так прошло два дня. Работа двигалась помаленьку. Жуга каждое утро и вечер запаривал свои травы. Легконогая Ганка появлялась то тут, то там, попевая по хозяйству, и исчезала по вечерам: то и дело у ворот мелькал Балаж. Реслав часто глядел ей вслед, вздыхал; Ганка смеялась, ловя его взгляды, подшучивала над неуклюжестью Реслава, над шевелюрой Жуги. Как вскоре узнали друзья, Довбуш был вдовцом, и дочка вела хозяйство — кормила кур и скотину, смотрела за домом, готовила еду. Реслав предложил было прогуляться в корчму — попить пивка, послушать поселян, но Жуга отказался, и он тоже не пошёл. Был Жуга молчалив и мрачен и лишь по вечерам долго лежал с открытыми глазами и грустно улыбался.

Третий день выдался таким же погожим и ясным, как и прежние. С утра пораньше взялись за крышу, а к полудню в гости наведился сосед — долговязый усатый Янош-закорючка, местный сплетник.

— Здорово, Довбуш! — с порога начал он. — Новости слышал?

— А что?

— Пёс у Юраша сдох.

— Ну, сдох и сдох, мне-то что? — беспечно бросил Довбуш и вдруг насторожился. — Погоди-ка, погоди... У какого Юраша? С околицы?

— У него, у него, — закивал Янош, присел на лавочку, вынул трубку и закурил. — Совсем ещё молодой пёс был — двух лет не исполнилось.

Заинтригованный, Жуга отложил недовязанную охапку соломы и прислушался. Янош покосился на него, понизил голос.

— Отравили, может? — предположил Довбуш. — Злодий какой повадился?

— Может, и отравили, — согласился Янош. — А может, и нет. А скажи-ка ты мне, друг Довбуш, работнички твои не озоруют? А то, гляди, мало ли что...

— Бог с тобой! — Довбуш оглянулся на Жугу с Реславом. — Добрые хлопцы и работают споро... Не они это.

— Как знаешь. А только сказывают, не травил пса никто. Слышал, как был он последние ночи? Леший балуется, люди говорят, как есть лешак! Не они ли накликали?

— Ты, эта... думай, что говоришь! — Довбуш перекрестился. — Тьфу на тебя. Не зря тебя, Янош, закорючкой прозвали. Как чередка — уцепишься, не выдернешь. Ну, сдох пёс, эка невидаль! А ты сразу — леший...

— Ну сам посуди — все повадки его! Собаки с цепей рвутся, молоко киснет у коров. Крынки на заборах кто-то бьёт, стреху дерёт, грядки топчет...

Теперь уже и Реслав перестал работать. Заметив это, Янош засуетился, поспешил сменить тему и вскоре, сославшись на дела, ушёл.

— Н-да, — заметил Реслав, — неладное творится. Что скажешь, Жуга?

— Не знаю, — нахмурился тот, поскрёб босую пятку. — Что до собаки, так ведь и вправду была. А только... Только не было *Хозяина* в деревне.

— А ты почём знаешь?

— Знаю — и всё, — отрезал он. — Не *Хозяин* то был.

— А кто ж?

Жуга промолчал, скрутил очередную связку, забросил на крышу.

— Не к добру всё это, — пробормотал он. — Не к добру.

Неожиданная мысль пришла Реславу в голову.

— Жуга! — окликнул он. — Слышь, Жуга, а отчего тебе не сделать так, чтобы вязки навверх... ну, это... чтобы сами летали, а?

— Тебе надо, ты и пробуй.

— Да ты не обижайся! Я ж сурьёзно. Сложный наговор, боюсь, не рассчитаю.

Теперь уже Жуга заинтересовался. Свернув новую связку, он положил её на землю и отошёл в сторонку. Похромал вокруг, нахмурившись, вытянул руки и пошевелил пальцами.

— *Белото-велото*, — начал он, — *это-распа!*

Вязанка пошевелилась слабо, будто в ней кто сидел — хомяк, там, или крыса, но с места не двинулась. Реслав с любопытством наблюдал сверху за его действиями.

— Не то... — пробормотал Жуга, походил вокруг и снова произнёс что-то не менее заковыристое.

Реслав почувствовал, как в воздухе разлилось напряжение, но вязанке, видимо, и этого было мало.

— Тут, ежели по-синему брать... — начал было Реслав, но Жуга отмахнулся: «Погоди!»

— *Виттефо-авата-эпто-распа!* — выкрикнул он.

Вязанка зашевелилась и вдруг вспыхнула с торцов яркими язычками пламени, занялась и запылала. Жуга ахнул и принялся затаптывать огонь. Реслав кубарем скатился с лестницы, метнулся до колодца, подошел с ведром воды, после чего совместными усилиями вязанку потушили.

— Ф-фу, — облегченно вздохнул Реслав. — Переборщили малость.

— Да, сплоховал я, — признал Жуга, — зелёный не надо было брать.

— Травник ты, Жуга, — с неодобрением заметил Реслав. — И наговоры у тебя чудные. Маг Тотлис меня как учил — семь трав есть, силой наделённых, остальные стихии в камнях ищи — минералах да металлах разных... Электрон, вон, смотрю, сам носишь, а заговоры не по науке строишь.

— Не обучен я наукам, — буркнул Жуга. — А что до трав, то каждый корешок свою силу имеет. Ты, эвон, смотрю, каждый наговор по пальцам считаешь, словно овец: то — туда, это — сюда... А я так не могу. Что в голову приходит, то и говорю.

— Нешто наугад? — поразился Реслав. — Как так?

— Всяко бывает. — Жуга покосился на вязанку. — Не знаю как. Чую иногда, аж до дрожи — верные слова, вот и получается. А ты, школяр, что ж сам сказать не мог?

Реслав вздохнул:

— Не обучен я такие длинные вирши составлять. Не успел.

— Я тоже хотел в обучение пойти, — задумчиво произнёс Жуга, — да вот, на тебя посмотревши, что-то раздумал. Так ли уж умён был маг твой? Семь трав — скажешь тоже... А этот ещё... что за эл... элрон такой?

— Электрон? Да камень жёлтый, морской. Крестик у тебя из него сделан, иль не знал? Эллинское слово.

Жуга нахмурился:

— Про крест не ведаю: сколько себя помню, всегда он при мне. Может, и впрямь электрон. Ну, хватит языки чесать. Лезь давай наверх — может, закончим сегодня.

— Дай-то Бог...

* * *

Реслав работал на крыше и потому первым заметил неладное: от деревни к выселкам Довбуша направлялась толпа человек в двадцать, одни мужики. Шли быстро, возбуждённо жестикулируя и размахивая руками. Возглавлял шествие вездесущий Янош.

Жуга тоже их заприметил.

— Плохо дело, — отметил он. — Уж не по наши ли души идут?

Реслав промолчал от греха подальше, лишь свернул аккуратно свитку и положил в сторонку.

В ворота застучали.

— Довбуш! Открывай, Довбуш! — крикнули оттуда. — Беда!

Довбуш поспешно откинул засов, и толпа ворвалась во двор. Первым вбежал Балаж, сразу за ним другой старый знакомый — Влашек.

— Вон они! — крикнул он, увидев Жугу с Реславом.

— Что? Что стряслось? — метался Довбуш меж пришедших.

— Ганка пропала, Довбуш! — выкрикнул Балаж. — Сгинула прямо у меня на глазах, как вихорь унёс, вот те крест!

Жуга вздрогнул, вскинул голову. Желваки на его лице задвигались.

Довбуш отшатнулся, побелел, схватил Балажа за рубашку.

— Да ты в уме ли?! — вскричал он. — Видано ль такое? Ты пьян, должно быть! Где Ганна?

— Он-то, может, и пьяный, — вмешался Янош, — да только вот у Григораша мать не пьёт! Рядом была, всё видела — правду Балаж говорит, ведовство это! Где... а, вон они стоят!

Взгляды толпы остановились на двух работниках. Воцарилась тишина.

— Ваших рук дело? — выкрикнул Влашек. — Сказывайте, куда Ганну девали?

— Ты погоди кричать-то! — ответил за обоих Реслав. — Объясни сперва толком, что случилось! Как так пропала? Когда?

Толпа зашевелилась, загомонила: «Да они это!», «А ну, как нет?», «Вяжи, братва, после разберёмся!»

— Будут бить, — тихо сказал Жуга, придвинувшись в Реславу. В руках его был посох.

— Думаешь? — покосился на него Реслав, нахмурился. — Может, не будем драться? Сами пойдём?

— Всё равно будут бить. Это не люди. Стадо... Сейчас начнётся. Бей без ножа.

Толпа, угрожающе притихнув, надвинулась с двух сторон. Друзья оказались стоящими спиной к спине. Жуга перехватил поудобнее посох. Реслав сжал кулаки.

— Хромого — мне! — крикнул Влашек и первым ринулся в драку. Остальные устремились следом. Говорить с ними было поздно.

Жуга отступил в сторону, взмахнул посохом. Кто-то взвыл от боли, схватился за ушибленную руку. Реслав сперва бил вполсилы, затем разошёлся. Напиравший больше всех Влашек схлопотал пару-тройку ударов по голове, свалился, за ним последовали ещё трое, потом селяне навалились скопом, сбили с ног. Реслав и на земле отбивался, словно медведь. Жуга, весь изодранный, исцарапанный, продержался чуть дольше — его никак не удавалось схватить. Слышалось пыхтение, мелькали руки, ноги, колья из плетня. «Верёвку, верёвку давай!» — кричал кто-то. «У, вертлявый, чёрт рыжий!», «По ногам бей, по ногам!», «Кусается, с-сука!»

Через несколько минут всё было кончено — связанных по рукам и ногам пленников притащили в деревню и бросили в сарай возле дома Балажа.

– Посидите пока тут, – презрительно бросил Влашек. – Если Ганну не отыщем, пеняйте на себя, чудодеи говённые! А вздумаете озоровать ещё – прибьём, ясно?

Примерившись, он отвесил Жуге пинок под рёбра и вышел, хлопнув дверью. Лязгнул засов.

Реслав с трудом перевернулся на спину, извиваясь, как червяк, пополз к стене. Сел, пошевелил связанными за спиной руками – крепко... Сплюнул, пощупал языком шатающийся зуб.

– От сволочи, – пробормотал он. – Словно и впрямь не люди... Жуга! Ты как там? Эй, Жуга!

Жуга молчал. Реслав забеспокоился было, уж не насмерть ли забили приятеля, но тут в темноте раздался тихий шелестящий смех.

– Пошто смеёшься?

– Вот и спрашивай теперь... про старые рубцы, – послышалось из угла. Присмотревшись, Реслав разглядел в сумраке нескладный силуэт. Извиваясь немыслимым образом, Жуга ухитрился встать и пропрыгал к Реславу. Упал рядом, придвинулся спина к спине.

– Попробуй мне руки развязать.

– Может, наговор какой? – неуверенно предложил Реслав. – Само развяжется?

– Не хватало, чтоб ещё верёвка загорелась... Ну, как?

Реслав некоторое время на ощупь пытался развязать ему руки, пыхтел. Ругнулся, сломав ноготь.

– Не... Крепко связали.

– Ч-чёрт... – Жуга повёл плечами. – Без рук ничего не могу. Ты-то цел?

– Вроде... – Реслав прислушался к своим ощущениям. – А как твоя нога?

– Как всегда, – буркнул травник.

– Слышь, Жуга, – позвал Реслав. – Как ты думаешь, куда Ганка по-девалась?

Жуга промолчал.

* * *

Стемнело.

В томительном молчании тянулись ночные часы. Свитка Реслава осталась у Довбуша на дворе, и его нещадно ели комары. Жуга был в рубахе, но и он то и дело кривил губы, сдувая назойливых кровососов. Руки и ноги у обоих затекли. Хотелось пить.

– Как думаешь, Жуга, что с нами сделают? – наконец нарушил молчание Реслав.

– Коли Ганку не отыщут, то прибьют, наверное, – нехотя отозвался травник. – А с судом ли, без – всё едино.

– А ежели отыщут?

– И тогда хорошего не жди.

— Да... — Реслав помолчал. — Знать бы, что на деле случилось! Может, спросить... Кто там, на страже? — Он подполз к дверям, несколько раз ударил пятками в доски. — Эй, караульный!

Послышались шаги, скрипнул засов.

— Чего тебе?

Реслав крякнул досадливо:

— Влашек!

— Выйти надо, — буркнул он. — По нужде.

— Лей под себя, погань, — процедил караульщик сквозь зубы и захлопнул дверь. Шаги смолкли.

— У, морда! — Реслав сплюнул, подвинулся к стене. — Этот расскажет, жди-дожидайся... Эх, угораздило!

Некоторое время оба молчали. Реслав привстал, попробовал дверь плечом на прочность — устояла. За стенками сарая назойливо трещали цикады — ночь выдалась тёплая и светлая. В маленькое окошко под толчком виднелся клочок звёздного неба.

— Полнолуние сегодня, — словно услышав мысли Реслава, сказал Жуга. — Для нечисти самое раздолье.

— Так ты думаешь, Ганка... — начал было Реслав и смолк.

— Ведьма? Ты это хотел сказать? Нет. Наоборот, пожалуй...

— Это как? — опешил Реслав. — Это ты о чём?

— Ни о чём. Ей ведовство вообще не дастся.

— Откуда знаешь?

— Оттуда.

Опять воцарилось молчание.

— Жуга, — позвал Реслав. Ответа не было. — Жуга!

— Чего тебе?

— За что они нас так? Мы же ничего плохого не сделали. Неужто ворожба — такой грех?

Жуга засопел сердито, заёрзал.

— Может, и грех, — наконец сказал он. — Хрен его знает.

— А я так думаю, — продолжил Реслав, — ежели дано умение, значит, так и надо и винить тут некого. Разве что из зависти.

— Когда-то и я так думал, — пробормотал Жуга. — Умение! Эж сказал... Попробуй разберись, награда это или наказание. Нам самим не понять, а остальным — и подавно... Спроси вон у Влашека — он тебе растолкует, что к чему. Эх, руки связаны!

— Жуга.

— Ну?

— Расскажи о себе.

Жуга блеснул белками глаз, опустил голову.

— Зачем?

— Сдаётся мне, ты что-то знаешь про Ганну, да и вообще. Откуда ты? Чего ищешь? Почему с гор ушёл? Может, навредил кому?

— Вреда не чинил, — криво усмехнулся Жуга, — да только люди сами на тебя грех повесят, дай только повод. Дед Вазах всё понимал. Много знал старик, ох, много...

Жуга говорил медленно, нехотя, словно пересиливая боль, часто сглатывал сухим ртом, умолкал на полуслове, глядя в темноту. Реслав слушал, затаив дыхание.

Жуга и вправду был подкидышем. Старик Вазах — деревенский знахарь — взял его к себе. Маленькая деревушка высоко в горах, козы да овцы — вот и вся жизнь у горца. Жуга рос, не похожий на других детей — длинный, рыжий, молчаливый. Был он сметлив не по годам и знахарскую мудрость усваивал быстро и с охотой, а со временем пришло к нему и умение. Да и Вазах заметил в приёмьше силу: и наговоры его были крепче, и дело ладилось лучше. Сам всё творил, по чутью. Как подросток, пошёл в пастухи, отличился и тут. У других — то овца пропадёт, то волк повадится, то болезнь какая стадо косит, у Жуги словно бережёт кто. А своим так и не стал среди валашских поселян — уважали, но побаивались: не он ли, мол, на соседские стада порчу наводит?

Была в том селе одна девушка — дочь деревенского головы. Всем взяла — и красотой, и умом, и умением, да замуж всё не спешила. Парни из соседних селений свататься приходили, да всё без толку.

— Ну а ты? — спросил Реслав, когда Жуга умолк.

— А что я? — горько усмехнулся тот. — Они все на приданое зарились да на хозяйство. А я... Любил я её, понимаешь? Любил я Мару!

— А она?

— Бог её знает... Встречались, верно. А только глупо всё. За меня, сироту, только рябая пойдёт. Кто я такой? Пастух, приёмьш, травник-недоучка... дурак рыжий... Отец её не позволил бы.

Реслав вдруг почувствовал, как что-то тревожное, непонятное ширится и растёт в груди. Страх! — внезапно понял он. Зачем спустился в долину паренёк с глазами старика?

— С ней что-то случилось? — словно по наитию спросил он.

Жуга вскинул голову: «Откуда знаешь?!» — и поник: «А, не всё ли равно...»

В тот вечер Жуга встретился с Марой в последний раз. Они расстались перед тем, как стемнело. Больше её никто не видел, лишь слышали за околицей крик, да полуслепая бабка Ляниха божилась, что «вихорь девку унёс». Искали — не нашли.

— А ты, стало быть, на поиски ушёл? — предположил Реслав.

— Я? Не совсем, — замялся Жуга. — Тогда, в горах всё так же было: людей ведь долго поднимать не надо, кликни только — налетят. И крайнего найдут, и судилище учинят... На меня поклёп и навели. Вазах заступился было, а не пощадили и его. Много ли старику надо? Крепко били, в полную силу — со страху, всем миром навалились, с камнями, с дубьём.

— А потом?

— Потом? — с усилием переспросил Жуга. — В лесу я прятался. Сдох бы, наверное, с голоду, да повезло — родник был близко да лабаз я нашёл беличий: орехи там, грибы... Как раны подживать стали, я в деревню ночью пробрался. Дом стариковский растащили, унесли, кто что мог, только травы не тронули — я собрал да посох взял...

У дверей внезапно послышались тихие шаги. Заскрипел засов, дверь приоткрылась, и голос позвал: «Жуга! Реслав! Вы здесь?» Реслав сердито засопел — будто они могли быть где-нибудь ещё!

— Кого там принесло? — буркнул он.

— Это я, Балаж... Где вы тут?

Дверь открылась шире, в проёме показалась понурая фигура. Разглядев пленников, Балаж опустил наземь рядом с ними, обхватил голову руками и замер.

— Чего пришёл? — спросил Реслав. — Или нашли Ганну?

— Нет... — Балаж всхлипнул. Голос его дрожал. — Я Влашека домой услад, сказал — сам постерегу... Что мне делать теперь, а? Что?

Реслав не знал, что сказать.

— Что ж ты... — в сердцах бросил он. — Сам кашу заварил, а теперь к нам... Тыфу, пропасть.

— Не я это! Янош, старый чёрт... Как в тумане всё. Ганна! Ганночка моя! — Он рванулся вперёд, схватил Реслава за плечи, затряс. — Помогите, Реслав! Жуга! Меня Довбуш послал к вам, говорит, не виноватые вы! Что с Ганной? Где она?!

— Да не ори ты так! — поморщился Реслав.

Неожиданно подал голос Жуга:

— Селяне спят?

— По домам все...

— Проведи нас к Довбушу.

Балаж кивнул, вынул нож и перерезал верёвки.

* * *

В хате у Довбуша царил полумрак, лишь горела, потрескивая, свеча в глиняном подсвечнике да теплилась у икон лампада. Тёмные лики святых еле виднелись сквозь слой копоти. Тускло поблёскивал золочёный оклад.

Довбуш осунулся и словно сразу постарел лет на десять. Усы его обвисли. Грузный, хмурый, небритый, он сидел за столом не шевелясь и лишь поднял взор, когда скрипнула дверь. На столе перед ним стояли большая глиняная бутылка и кружка.

Реслав сел, растирая вспухшие багровые запястья. В драке ему основательно расквасили нос, его усы и борода запеклись коркой засохшей крови. Заприметив в углу висящий на цепочке медный рукомоиник, он оглянулся на Довбуша — тот кивнул, — встал и принялся отмываться. Отпил воды прямо из носика, крякнул.

Жуга обошёл горницу, пощёлкал пальцами, остановился у икон. Обернулся.

— Кто заходил в хату? — резко спросил он.

Довбуш посмотрел удивлённо.

— Никто... — и покосился на Балажа. — Только он вот.

Он встал, снял с полки ещё три кружки, разлил из бутылки густое тёмное пиво, буркнул: «Пейте!» — и снова сел. Жуга и Реслав жадно осушили кружки, Балаж лишь пригубил и отставил пиво в сторону.

— Ну, вот что, — начал Довбуш. — Верю, вы тут ни при чём. Сказывайте сразу, можно Ганну сыскать?

Реслав посмотрел на Жугу, Жуга — на Балажа.

— Рассказывай по порядку, — потребовал Жуга.

Балаж нервно хрустнул пальцами, начал:

— Да почти нечего рассказывать. Ну, гуляли мы за околицей, как обычно, потом домой она пошла. Я и не провожал: идти-то два шага! Я вслед глядел. Тут вижу: ровно рябью воздух подёрнулся, поплыло всё, да страшно так, непонятно!.. Она остановилась, назад шагнула... Пыль да листья закружило, словно ветром, я сморгнул, рукой прикрылся, а продрал глаза — нет её. Нет — и всё. А тут и Григораша мать заохала, запрочитала — на крыльцо вышла крынку вымыть, да крынку-то и грохнула. «Балаж, — кричит, — это что ж такое творится, господи боже!» Я туда, я сюда — нет Ганки! Я к Влашеку, а потом уже и Янош прибежал.

Жуга нахмурился, побарабанил пальцами по столу.

— Где это случилось? — спросил он.

Балаж вытянул руку:

— Там...

— А где Юраш живёт, у которого пёс издох? В той же стороне?

Балаж побледнел, кивнул.

Жуга встал, ещё раз осмотрелся. Глаза его возбуждённо блестели. Он скинул руки, сплёл пальцы в хитрый узел, нахмурил лоб.

— *Авохато!* — вдруг воскликнул он. — *Эванна-эвахор!*

Пол хаты вспыхнул, замерцал голубыми сполохами. Балаж вскрикнул испуганно, влез с ногами на лавку. Довбуш разинул рот, перекрестился дрожащей рукой.

— Не двигайтесь! — крикнул Жуга, не расплетая пальцев. — Реслав, соль! Скорее!

Теперь стало видно множество пятен на глинобитном полу, больших и малых, светящихся, как гнилушки в лесу. Реслав метнулся к столу, схватил берестяную солонку, глянул вопросительно. «Бросай!» — Жуга мотнул головой. Реслав швырнул солонку наземь. Мелкого помола соль взметнулась в воздух, растеклась тонким облачком, осела. Жуга разжал пальцы. Призрачное сияние погасло. Стало тихо, лишь под потолком зудели комары.

— Свят, свят... — Довбуш перевёл дух, нащупал кружку, сделал несколько глотков.

Балажа трясло.

Жуга взял со стола свечу, осторожно ступая, обошёл хату, внимательно глядя в пол. Остановился, опустился на колени.

— Вот они! — сдавленно воскликнул он. Свеча жёлтым светом озаряла его лицо и руки. — Идите сюда, только осторожно.

Реслав, Довбуш и Балаж сгрудились у стены, где соль тонким слоем припорошила цепочку узких следов. Чьи-то ноги, обутые в мягкие остроносые башмаки, прошлись от входа к печке, затем дальше, к образам, и обратно к порогу. Реслав глянул в красный угол и похолодел: иконы были перевёрнуты.

Все четверо переглянулись.

— Кто это был? — спросил Реслав.

Жуга покачал головой.

— Не знаю, — угрюмо сказал он. — Наверное, человек: *стригой*¹ или *Хозяин* башмаков не носят. Кто и откуда, не ведаю. Следы свежие. Вишь, как соль густо легла...

— Н-да...

— Гм!

— Жуга! — окликнул Довбуш. — Это он? Он Ганну уволок?

Жуга кивнул, грустно посмотрел ему в глаза.

— Мне жаль, Довбуш, — сказал он, — но я сейчас ничем не могу тебе помочь. Прости.

Довбуш пошатнулся, опёрся о стол. Обвёл всех беспомощным взглядом серых глаз. Гулко сглотнул.

— Но... она жива? — выдавил он.

Жуга пожал плечами:

— Кто знает!

— Где она? Что с ней?! — подскочил к нему Балаж. — Говори!

Жуга повёл плечом, стряхнул с плеча его руку.

— Больно мало я знаю, Балаж, чтобы помочь... Может быть, это тот, кого и я... ищу.

— Мара... — начал было Реслав, но перехватил испепеляющий взгляд Жуги и поспешно умолк.

Довбуш поднял седую голову. По щекам его текли слёзы.

— Что ж это? — прошептал он дрожащими губами. — Среди бела дня... — Он протянул широкую мозолистую ладонь, взял Жугу за рукав. Рыжий не пошевелился. — Жуга... Реслав... Хлопцы, помогите! Я старый дурак, но я многое повидал, я знаю, вы можете... Денег не пожалею, всё отдам! Помогите! Возверните её, хлопцы... хлопцы...

¹ Стригой — в Прикарпатье — домовый. Хозяином же именовали иногда медведя, иногда — лешего (*молд.*).

Он спрятал лицо в ладонях.

Реслав стоял, глядя то на Жугу, то на Довбуша. Перед ними сидел старый, убитый горем вдовец, у которого только и была отрада, что дочь красавица, и вот теперь отняли и её. Перед его взором вдруг возникла Ганка как живая — весёлое лицо, задорная улыбка, глаза... Господи, глаза... И голос: «А что, Реславка, не упадёшь ли, коль побежишь в своей хламиде?»

И смех — звонкий, залиvistый...

Жуга, мрачный, взъерошенный, молчал, глядя в сторону. В свете свечи виднелись шрамы, свежие ссадины, большой синяк под глазом. Рубашка висела на нём клочьями, кое-где запеклась бурыми пятнами кровь. Был он побитый, оборванный, хромой, но Реславу не хотелось бы сейчас оказаться у него на пути — такая была в нём злость, такая сила его вела, мрачная, тёмная... «Кто же он?» — в который раз спросил себя Реслав.

— Довбуш, — тихо позвал Жуга. Старик поднял голову. — Для этого нам надо уйти.

— Куда?

— Не знаю... Впрочем... — Он встрепенулся, обернулся к Реславу. — Что там, на западе?

— Город, — ответил тот, — Марген. А что?

— Марген... — повторил Жуга. Нахмурился, взъерошил ладонью и без того растрёпанные волосы. — Стало быть, пока пойдём в Марген. А там видно будет. Пойдёшь, Реслав?

Тот кивнул.

Балаж растерянно переводил взгляд с одного на другого. Вскочил.

— Нет, погодите! Довбуш, они же уйти хотят! Уйти! Пускай... пускай Реслав останется! Или Жуга...

Довбуш нахмурился, потрепал ус, покачал головой:

— Не прав ты, сынок. Пусть идут.

— Тогда... я тоже с ними пойду! Эй, слышите?

Реслав посмотрел на Жугу. Тот пожал плечами:

— Пускай идёт. Правда, помочь ты нам не сможешь ничем. Остаься лучше.

— Нет!

— Как знаешь. Тогда собирайся — надо уйти до рассвета, пока деревня спит. Что селянам скажешь, Довбуш?

— Ничего, — понуро произнёс тот. — Шелег вот вернётся из Ветелиц, он меня поймёт. Остальные — вряд ли. Ступайте, хлопцы. С Богом.

Через полчаса поспешных сборов все трое уже шли по дороге прочь от деревни. Свитку Реслава спёрли, Довбуш дал ему свою рубашку и Жуге тоже, взамен изодранной. Котомка и башмаки травника отыскались на сеновале, а вот посох поломали в драке. В дорогу взяли хлеба, сыру, шмат солёного сала, луку да огурцов с Довбушева огорода. Дал Довбуш и денег — менок тридцать на брата — и долго стоял у ворот, глядя им вослед.

Шагов через сорок-пятьдесят миновали погост. В свете полной луны резко чернели старые, покосившиеся кресты. Балаж торопливо и мелко перекрестился, ускорил шаги.

— Не беги: не поспеваю, — мрачно усмехнулся Жуга. — Да ты никак забоялся?

— Я ничего не боюсь... на этом свете, — набычился Балаж. — А что до мёртвых да ваших колдовских дел — тут и впрямь боязно...

— Привыкай.

Жуга шагнул к ограде, выдернул дрын, прикинул на руке и забросил в кусты — тяжёл. Потянул другой, кивнул довольным, наступил ногой и выломал посох.

— Ну, пошли, что ль, — сказал он и зашагал вдоль по дороге.

Реслав оглянулся напоследок на деревню. Была она темна, лишь в крайней избе у Довбуша светился огонёк. На околице звонко запел петух, сразу за ним другой. Близилось утро. Реслав поправил мешок за плечами и ускорил шаг, догоняя спутников и не задаваясь вопросом, что ждёт их впереди.

Всё равно ответа он не знал.

* * *

Вечер застал троих путников у большой дубовой рощи. Село осталось далеко позади. Весь день дорога вела их вдоль зелёных лугов, бежала кромкой леса, вилась хитрыми петлями меж невысоких холмов, а когда над головой раскинулись могучие кроны вековых деревьев, Реслав остановился.

— Ну, довольно пыль глотать, — объявил он, скидывая котомку. — Тут я уже был однажды — место доброе, да и родник рядом. Здесь и заночуем.

Спорить с ним никто не стал. Облюбовали одно дерево, расположились подле. В небольшом распадке за кустами журчала вода.

Балаж опустился на траву, прислонившись спиной к шершавой тёплой коре, скинул башмаки и с наслаждением подставил босые ноги вечернему ветерку. Огляделся окрест. Реслав ушёл. Жуга уселся рядом, устроив поудобнее больную ногу, засучил порточину, ощупывал колено. Морщился.

— Откуда шрамы эти? — с ленивым любопытством спросил Балаж.

Жуга вскинул голову.

— И это спрашиваешь ты? — поразился он. — ТЫ?!

Балаж открыл было рот, чтобы ответить, да вспомнил, как всей толпой били двоих чудодеев, и промолчал, лишь покраснел, как редиска. Жуга сплюнул, развязал мешок, вытащил помятый котелок и отправился в ложбину за водой. Балаж остался один.

Было тихо. Нагретая земля дышала теплом. Высоко над головой шелестели листья. Дуб, под которым они устроились, был столетним исполином в несколько обхватов. Старую кору избороздили дупла и трещины; мощные узловатые сучья уходили, казалось, в самое небо. Крона желте-

ла спелыми желудями. Балаж лежал, глядя вверх, и грустные думы его постепенно уходили, словно некое умиротворение было здесь разлито в воздухе, стекало вниз по могучему стволу и расходилось окрест. Балаж задремал и не сразу заметил, как подошёл Реслав.

— Зачаровало? — спросил он так неожиданно, что Балаж вздрогнул. Сбросив хворост, Реслав отряхнул рубаху и покосился наверх. — И то сказать, дивное место. Заповедное... Слышишь — птицы не поют? Тотто! — Он улыбнулся по-доброму. — Ну, подымайся. Кажись, кресало у тебя в мешке?

Балажу стало неловко, что он разнежился, в то время как двое друзей обустроивали ночлег; он встал и принялся помогать.

Развернули одеяла. Чуть в стороне Реслав потоптался, потянул за траву, и толстый пласт дернины отвалился в сторону, обнажив полузасыпанное кострище. Валежник сложили туда, надёргали из-под корней сухого мха. Жуга не появлялся.

— Слышь, Реслав, — позвал Балаж. — Вот мы с тобой идём сейчас, куда Жуга скажет, а кто он такой? Откуда взялся? Почему ты его слушаешь? Зачем он мне и Довбушу помочь решил?

Реслав помолчал, сломал сухую ветку. Почесал ею в затылке.

— Не трогай ты его, Балаж, — наконец сказал он. — Чужая душа — потёмки, а что я знаю о нём, то пусть при мне и останется. Время покажет, кто чего стоит. Я и сам его только на днях повстречал, недели не прошло. Станный он человек, не смотри, что молодой — жизнью он ломанный, это верно говорю. И сила в ём даже для меня чудная, непонятная. Наговоры, и те по-разному творим... Да где огниво-то твоё?

Балаж с головой залез в мешок, перебирая припасы, ругнулся.

— Никак не найду, — пропыхтел он.

— Э, захоронил! — укоризненно бросил Реслав. — Дай я.

— А вот, когда чудеса творятся, как это у вас выходит? — вернулся к прежнему разговору Балаж.

— Чудеса-то? — хмыкнул Реслав. — Да тут вроде просто. Слова надо верные сказать, ну, вроде как имя угадать. Наговор составишь, а после цвет измыслить надо подходящий. Ежели особенно трудное дело, то сразу два цвета или три.

— Да как угадать-то?

— Помнить надо, думать, просчитать... Жуга вон — у него это само собою выходит, и не поймёшь даже как. А я порой не могу всё вместе подобрать, а порой — сил не хватает.

— Сил? — опешил Балаж.

— Ну да! Человек, он... ну, как кувшин с водой. Когда наполнится, когда прольётся. Чудеса сами не выскочат, не грибы, чай, в человеке начало берут. Потому и руки тут важны — сила через пальцы течёт. Видал, как Жуга пальцы складывал давеча? Большие силы сдерживал — по кругу они ходили, из руки в руку. Малую толику только выпустил, а ежели бы все

вырвались, не знаю, что и было б. Жуга — это, друг мой, умелец! Да... Да куда ж ты запихал-то его?!

Потеряв терпение, Реслав схватил мешок за углы и вытряхнул содержимое на одеяло. Поворошил, поскрёб в затылке.

— Неужто забыли? — пробормотал он, потянул к себе свою котомку, вывернул и её тоже. — Твою мать... И впрямь — нету.

— Может, Жуга взял?

— Может быть. — Реслав покосился на полураскрытую третью котомку. — Не хочется без спросу соваться... А, ладно, авось не осерчает.

Осторожно выложив лежавшие сверху связки трав и кореньев, Реслав выгреб содержимое травникова мешка. Глазам их предстала россыпь странных предметов: замысловатые деревянные закорючки, горстка разноцветных камушков, кожаный ремешок, завязанный затейливыми узелками, кроличья лапка, знакомый уже нож, кое-какая провизия, клубок смолёной дратвы с шилом, камышовая пастушеская свирель и браслет тускло-зелёного металла, без разъёма, увешанный по ободу маленькими непонятными мисюрками. Огнива не было.

Балаж потрогал лапку, отложил в сторону краюху хлеба, потянул руку к браслету. Отдёрнул, словно уколотившись, удивлённо посмотрел на Реслава. Реслав нахмурился, поднял браслет.

Он был овальным, размером как раз чтобы прошла кисть руки. Держать его было занятно и немного боязно — кончики пальцев ощутимо покалывало, казалось, что в руках крапивный лист. Подвесок было девять — крестик, кольцо, бусинка, какая-то тройная восьмёрка и совсем уж непонятные фигурки. Снаружи в оправу был вставлен плоский, синий до черноты камень, играющий поверху дивными малиновыми бликами. Чарующая красота его так заворожила обоих, что с минуту они молча сидели и разглядывали находку, вертя её так и этак. Реслав ковырнул краешек камня ногтем, хмыкнул.

— Опал это, — сказал он наконец, — только чёрный. Я такой только раз до этого видал. Редкой красоты камень. А вот из чего браслет, не ведаю: сплав какой-то. Ну вот что: давай-ка обратно всё сложим.

— Давно пора, — послышалось вдруг за их спинами. Оба вздрогнули и обернулись.

Прислонившись к дереву и сложив руки на груди, там стоял Жуга.

— Наигрались? — хмуро спросил он. — Что нашли? Половину — мне.

У ног его стоял котелок и лежала охапка трав. Никто не слышал, как он подошёл. Реслав покраснел до корней волос, закричал смущённо. Балаж готов был провалиться сквозь землю.

— Огниво мы искали, — сказал Реслав, запихивая вещи обратно в мешок. — Ты не потерял, часом?

— Я и не брал, — ответил Жуга. — Зачем оно мне? Да и тебе ни к чему. Дай сюда. — Он взял котомку, завязал ремень. — Помнишь вязанку у Довбуша? Чего ж тебе ещё надо? Разжигай, я сейчас, только с травами управлюсь.

— А ведь и верно! — спохватился Реслав. — Сколько времени прошло — должно сработать. Ты какой цвет подбирал?

— Зелёный! — донеслось из-за дерева.

Про случай с мешком Жуга, казалось, забыл, а может, не хотел завести разговор.

Балаж подошёл к кострищу:

— О чём это вы толковали? Какое время прошло?

— А? — оглянулся Реслав. — Время? Да видишь ли, наговор действует один только раз. Чтобы он потом снова заработал, должен срок пройти, чтоб сила накопилась. Думаю, сейчас получится.

Реслав сложил ветки шалашиком, нахмурился, припоминая слова. Представить в лесу зелёный цвет было проще простого. Он вытянул руки и приказал:

— *Виттеро-авата-это-распа!*

Балаж вытаращил глаза. Результат превзошёл все ожидания: куча дров в едином порыве взметнулась вверх, словно подброшенная невидимой рукой, и со стуком запуталась в раскидистой дубовой кроне. Через миг сверху дождём посыпались палки, листья, жёлуди. Реслав охнул, когда узловатый сук треснул его по лбу, и с гудящей головой сел на землю.

— Ишь ты... — ошеломлённо пробормотал он, потирая ушибленный лоб. — Вот ведь...

Показался Жуга с мохнатым корнем в одной руке и ножом в другой.

— Что у вас тут? — спросил он. — Не загорается, что ли?

Реслав помотал головой. Жуга пожал плечами, положил нож и корень на траву. Вытер руки, собрал рассыпанные щепки.

— *Виттеро-авата-это-распа!*

Повалил дымок, костёр вспыхнул, запылал, успевай подкладывать. Реслав покачал головой, пробормотал: «А всё-таки...» — и занялся готовкой.

...Кашу съели быстро. Очистили котелок, облизали ложки. Жуга отослал Балажа за водой и, когда котелок снова нагрелся, стал складывать в кипяток травы. Реслав лениво наблюдал, похрустывая малосольным огурцом, как вдруг рванулся и перехватил руку травника с зажатым в ней знакомым вздутым корневищем. Огурец бултыхнулся в котёл.

— Эй, эй, ты что делаешь?! — воскликнул Реслав. — Это ж цикута — отрава, каких поискать! С ума сошёл?

Напрягшийся было Жуга расслабился, затряс головой. Высвободил руку, брезгливо выудил из воды огурец.

— Ну, напугал, ирод, — выдохнул он и бросил корень в котёл. — Чего разорался? Ну, верно, вех это, отрава. Да много ли ты в травах смыслишь? Ведь яд от лекарства что отличает? Количество. Вот. — Он помешал вариво ложкой, бросил туда тряпку. — Ну-ка, скидавай рубаху, — неожиданно потребовал он.

— Зачем?

— Скидавай, говорю.

Реслав выбросил огрызок огурца, потянул через голову рубашку. Показалась широкая мускулистая спина с дюжиной разновеликих ссадин и ушибов. Почти все уже стали подживать, но две рваные раны под лопаткой, оставленные ржавым гвоздём, загноились и покраснели. Жуга потыкал в них соломинкой. Реслав поморщился.

— Больно?

— Не... Терпёж-то есть.

— «Терпёж-то есть», — передразнил Жуга. — Балда ты, Реслав. Что верно, то верно, ежели корень веха слопать — дуба дашь. А коль рана воспалилась, жар пошёл, приложи отвар, да с умом приготовленный, — всё вытянет-вычистит сам собой. Ну-ка, повернись.

Жуга выловил из котелка тряпицу, протёр обе раны, наложил примочку. Узкой полосой чистой ткани обвязал Реславу грудь и спину, перебросил край через плечо.

— Завтра снимешь, а пока поспишь на брюхе.

Выудив ещё один клоч, Жуга сложил ткань вчетверо, закатал штанину и перевязал колено. Мелькнула узкая, распухшая от давности ссадина. Балаж смотрел во все глаза.

— А это что ж не заживает? — спросил он.

— Эту рану, — невесело усмехнулся Жуга, — так просто не залечишь.

Реслав нахмурился, мучительно припоминая, где мог видеть раньше нечто подобное, и вдруг вспомнил, как его приятель, молотобоец Микита, оступившись, угодил голой рукой на раскалённую докрасна болванку.

— Ожог это, — хмуро сказал Балажу Реслав, — и сильный притом. Так, Жуга?

Травник нахмурился, ничего не сказал.

— Где ж тебя так прижгло? — поразился Балаж. — С огнём, брат, поосторожней надо... Вона костёр-то...

Жуга вскинул голову. На лице его заходили желваки. Протянув длинную руку, он взял свой посох, концом его разворошил полупогасший костёр. Глеющие красными точками угли рассыпались узкой дорожкой. Реслав никак не мог взять в толк, что он собирается делать.

— Осторожней, говоришь? — с непонятной злостью сказал Жуга. — Я тебе покажу сейчас, что такое огонь.

И, прежде чем его успели остановить, ступил босой ногой на угли.

Балаж ахнул, дёрнулся к нему, но Жуга уже шёл по алой дорожке неспешным шагом. Похрустывали под ногами угольки, мигали, вспыхивали, синими язычками лизали растрепавшиеся бахромой штанины. Жуга дошёл до конца, вернулся и сошёл в траву. Балаж и Реслав переглянулись.

— Может, хватит расспросов? — язвительно произнёс Жуга, вытер ноги рукою, улёгся и потянул на себя одеяло. — Давайте спать. Поздно уже.

Балаж молчал, потрясённый.

— А ты говоришь — костёр... — сказал ему Реслав и тоже залез под одеяло.

Под шелест листвы все трое вскоре погрузились в сон.

* * *

Реслав проснулся, как от толчка, среди ночи. Сел, поёжился от сырого холодка, огляделся. Ночь выдалась ясной. Над головой чёрным куполом висело звёздное летнее небо. Луна шла на ущерб. По правую руку от него мирно сопел во сне Балаж. Слева лежало скомканное одеяло. Жуга исчез.

Реслав посидел некоторое время, глядя в темноту и гадая, что могло его разбудить. Уж во всяком случае не Жуга — тот двигался тише мыши.

Внезапно Реслав осознал, что в ночи раздаётся тихий, неясный звук. Он прислушался.

Где-то далеко тонко и печально пела свирель.

Реслав осторожно выбрался из-под одеяла, отполз в сторону. Балаж заворочался, но не проснулся, лишь закутался плотнее. Реслав встал. Повязка присохла к спине, раны под ней зудели и чесались. Он повёл плечами — терпимо. Углубился в лес.

Дубовая роща ночью выглядела призрачно и таинственно. Серебрились в свете луны массивные шершавые стволы. Было тихо, лишь ручей журчал неподалёку да похрустывали сучья под ногой. Реслав спустился в ложбину, перебрался на другую сторону. Прислушался. Звук стал яснее, и Реслав двинулся вперёд, осторожно ступая и глядя под ноги: в этих местах он ещё не бывал.

Мелодия лилась, тихая и холодная, как лунный свет, то замирая на низкой ноте, то призывно взлетая и рассыпаясь лёгкой трелью; звуки сталкивались, кружились, сбегали вниз, вторя переливам оставшегося позади ручья, умирали, чтобы воскреснуть, и воскресали, чтобы умереть. У Реслава защемило сердце. Он вдруг почувствовал себя безумно одиноким, внимая голосу ночи, и невольно ускорил шаги, идя на этот чарующий зов. Вскоре музыка уже раздавалась так близко, что Реслав стал хорониться за деревьями и, выглянув из-за второго или третьего, понял, что пришёл.

Здесь была большая, совершенно круглая поляна, по краям которой на равном расстоянии друг от друга росли исполинские дубы. На самой поляне не было ни кустика, ни деревца, лишь короткая ровная трава. Кроны деревьев смыкались правильным кольцом, в центре виднелось звёздное небо. Реславу показалось, что он попал в храм — так величественно выглядело это место. Он затаился, внимая терпким летучим звукам, и вгляделся в темноту.

Дубов было девять. Меж двумя из них промежуток был гораздо шире остальных, словно здесь когда-то росло ещё одно дерево. Но дерева не было.

Вместо него там стоял Жуга.

В лунном свете он не казался рыжим, скорее седым. Худой и длинный, травник был неподвижен, лишь пальцы рук танцевали, плели мелодию из тонкого камышового стебля. Реслав утратил чувство времени – прошло минут, наверное, пять, а может, целый час, как вдруг музыка смолкла. Жуга опустил свирель.

Несколько мгновений царила тишина, затем в ночи раздался тихий, бесцветный голос.

– *ты звал меня*, – сказал он. Не спросил, не ответил, просто *сказал*. Реслав напряг взор, и ему показалось, что в центре поляны шевельнулось нечто, мерцающая серебристой звёздной пылью. Оно двигалось, сливаясь с темнотой, в воздухе возникали и тут же таяли, подобно стихнувшей мелодии, полужнакомые очертания: неясный абрис человеческой фигуры в длинном плаще, белая цапля, раскинувшая крылья, олень – ветвистые рога вдруг слились в один длинный и прямой на широком конском лбу, завились двумя бараньими кренделями... Снова не разбери-поймёшь кто.

– Я звал тебя, Авелиста, – подтвердил Жуга.

– *ты всё ещё пытаешься угадать моё имя*

– Я не теряю надежды, Армина. Я знаю, на какую букву гадать.

– *ты дерзок*

– Это так, Аставанна. Иначе ты не пришла бы ко мне в моём последнем сне.

– *чего ты хочешь*

– Помоги мне, Араминта.

– *не могу*

– Тогда ответь на мои вопросы, Атахена.

– *спрашивай*

Жуга помолчал, раздумывая.

– Ты знаешь, кто идёт за мной? – спросил он.

– *да*

– Знаешь его имя?

– *нет*

Жуга опять промолчал. Переложил свирель из руки в руку.

– Ты знаешь, за кем иду я, Алаванна?

– *да*

– Они связаны меж собою?

– *да*

– Я так и знал! – Жуга сжал кулаки. – Где мне его искать?

– *иди на закат*

– Это я знал и раньше! Куда именно?

– *ты узнаешь*

– Что он хочет?

– *всё*

Жуга постоял в угрюмом молчании, зачем-то посмотрел на небо. Серебряная тень пульсировала, мерцала неярко.

— Я твоё оружие, Аренита, но я тебе не принадлежу, — сказал Жуга. — Я благодарен тебе, но не обязан. Твои цели — не мои цели, но порой они переплетаются так, что я не могу их различить, и ты этим пользуешься. Скажи лишь, верну ли я потерянное?

Голос некоторое время не отвечал.

— рано или поздно всё вернётся на круги своя, — наконец сказал он, — старые боги уходят, новые рождаются. жертва может стать охотником и наоборот. ты звал меня, но мы здесь не одни. у тебя впереди свой путь. близится утро. я уйду, но мы ещё встретимся. прощай.

— Стой! погоди! — Жуга метнулся вперёд, сделал несколько шагов, но серебристая тень уже растаяла в воздухе, как соль в воде, и он остановился. Постоял, глядя в землю, повернулся к лесу. Огляделся.

— Реслав, ты, дурак? — окликнул он. — Всё испортил! Ну, где ты? Давай вылезай.

Реслав, чувствуя себя страшно неловко, вышел из-за дерева.

— Я это... Я не знал, Жуга. Прости.

— А... — махнул рукою тот. — Ладно. Я и сам должен был смекнуть, что ты придёшь. А ты, оказывается, чуткий малый! Балаж спит небось?

— Без задних ног.

Жуга покивал задумчиво, посмотрел на Реслава.

— А я тебя недооценил, — сказал он. — Хорошо, что ты пошёл со мной... Помоги мне, Реслав.

— Я? — опешил тот. — Кабы я мог...

— Ты можешь. Если пришёл на свирель, не испугавшись, значит, можешь. Будем друзьями, Реслав.

Реслав, несколько робея, пожал протянутую руку. Жуга улыбнулся необычно по-доброму.

— Идём.

— Слышь, Жуга, — окликнул его Реслав. — Кто это был там, на поляне? Хозяин?

Жуга обернулся.

— А? Нет, что ты... Это — древнее. Оно... — Он замялся. — Я как-нибудь потом расскажу. Реслав, ты в Маргене был?

— Вестимо, был!

— А я вот не был. И Балаж не был. Что там, как, я ничего не знаю. Я, если хочешь знать, вообще в городах не бывал. Так что ты у нас теперь за старшего.

— Ну смотрите, — усмехнулся Реслав. — Коли так, слушаться меня там, как отца родного. Ясно?

— Да уж, не темно... А вот и ручей уже!

Оба напились и умылись. Небо уже посерело, на востоке занялась заря. Растолкали Балажа.

— Эх вы, охламоны, — проворчал он, широко зевая, — в такую кромешную рань подняли... Выходим, что ль?

— С рассветом пойдём. — Жуга взял котелок, ушёл за водой. Реслав раздул костёр, вспомнил при этом о вчерашнем происшествии и, когда Жуга вернулся, спросил:

— Такая нелепица тут, Жуга. Помнишь наговор вчерашний?

— Ну.

— Я ведь вроде всё правильно сказал... Да только дрова, вишь ты, нет чтоб гореть — вверх понеслись. С чего бы, а?

— Вот как? — Жуга поднял бровь. — Забавно. А я-то думал, что за шум был... Ты какой цвет выбрал? Зелёный?

— Зелёный. Может, твой наговор только для одного человека годен?

— Может быть... — Жуга бросил устанавливать котелок, потёр подбородок. — Вверх, говоришь?

В голове у Реслава будто щёлкнуло; он вдруг вспомнил, для чего Жуга затеял ворожбу на дворе у Довбуша, и изумлённо покосился на приятеля.

— Чудно... — пробормотал тот, тряхнул рыжей головой и улыбнулся виновато. — Я не знаю, Реслав. Правда не знаю. Как-нибудь потом разберёмся.

Больше об этом не говорили. В котелке заварили душистый взвар, добавили мёду из горшочка — Довбуш дал в дорогу. Каких там трав Жуга понапихал в котёл, друзья не знали, но в голове сразу прояснилось, остатки сна улетучились без следа. Быстро собрались, закрыли чёрную проплешину дёрном. Напоследок сняли с Реслава повязки. Ткань побурела, напиталась гноем, зато раны были чистыми. Балаж уважительно промолчал. Жуга кивнул довольно, поднял посох.

— Ну, двинули, — скомандовал на сей раз Реслав.

— Далеко Марген-то? — полюбопытствовал Балаж.

— К полудню там будем. — Реслав обернулся на Жугу. — Куда пойдём сперва?

— На базар, — ответил травник.

— На базар? — опешил Балаж. — Это так ты хочешь Ганну искать?! Да что нам делать там, на базаре?!

— Смотреть. Слушать.

— А ещё что?!

Жуга посмотрел ему в лицо, криво усмехнулся.

— Молчать.

* * *

Незадолго до полудня, как и предсказывал Реслав, показались серые стены, островерхие крыши и шпили Маргена. Город был не то чтоб очень уж велик, но для Жуги и Балажа и такой был в диковинку. Балаж был здесь всего раза три, Жуга вообще видел город впервые.

— Экая громадина, — пробормотал он. — Одного камня только сколько пошло...

Друзья миновали перекрёсток, другой. Всё чаще стали попадаться гружённые товаром повозки, люди — пешие и верховые. Вокруг города тянулись поля, зеленели сады. Возле стен петлёй изгибалась река — неширокая, но глубокая Длава. Огромные, высотой в несколько сажений, ворота были открыты. Реслав остановился.

— Значится, так, — сказал он. — Смотреть за вами везде и всюду я, знамо, не смогу. Ежели потеряем друг дружку, то встретимся аккурат у этих ворот — уж их-то вы отыщете. Кошельки суньте за пазуху, что ли, а то сопрут, ахнуть не успеете. То же и мешки — по сторонам глазейте, да за котомки держитесь. Панам да ляхам дороги не заступайте. Всё вроде... Да! Лошадей да телег берегитесь — зашибут, улицы здесь узкие. Ну что, на базар?

Жуга кивнул, хотя уверенность его несколько поколебалась, и трое приятелей, миновав ворота, вошли в Марген.

Реслав сразу свернул в путаный лабиринт узких, вымощенных камнем городских улочек, уверенно направляясь к базару. Множество прохожих шли в обе стороны, на троих путников никто не обращал внимания. Было прохладно, высокие дома в несколько этажей отбрасывали густую тень. Иные улочки были узки до невозможности — переплюнуть можно, но попадались и кварталы мастеровых, где могли разехаться две телеги.

— Богатые дома ближе к центру стоят, — пояснил Реслав. — Там, конечно, просторнее и улицы пошире, только делать нам там нечего.

— Далеко ещё? — спросил Жуга.

— Да нет, квартала два... Слышите?

Сквозь перестук молотков в мастерских и поскрипывание вывесок и флюгеров на крышах слышался шум базара — крики, гомон людской толпы, музыка, смех. Реслав свернул ещё пару раз, друзья миновали булочную с большим жестяным кренделем на вывеске, откуда доносился сытный хлебный дух, и втянулись в людскую круговерть городского рынка.

Жуга впервые оказался среди такого большого скопления народа, да и Балаж почувствовал себя неудобно. Толпа бурлила на площади, щупальцами заползала в близлежащие улочки, кружилась водоворотами меж ларьков и палаток.

— Базарный день! — заметил Реслав.

На углу жарили требуху, продавали на менку целую горсть. Балаж примерился подзакусить, да Реслав отговорил. Пошли дальше.

Тянулись палатки торговцев, кричали зазывалы. Друзья не знали, куда смотреть, столько всего было вокруг. Вот весёлый бородач развесил под навесом яркие лубки, рядом продают глиняные свистульки — толчётся ребятня. Тут куски крашеной ткани, там платье, дальше — больше: обувь на любой вкус и размер, крынки-корчаги, стекло, корзины плетёные, шляпы разные, вёдра-бадьи, шайки-лейки... Узколиций голубоглазый малый

в немецком платье торговал зеркалами. Зеркала были на диво ровные, ясные, бросали в толпу яркие солнечные зайчики. Жуга поднял голову, посмотрел на отразившуюся в зеркале скуластую физиономию с копной рыжих волос. Поджал губу.

Подошёл Реслав.

— Что, залюбовался? — добродушно осведомился он.

— Да уж, что и говорить — неказист. — Жуга постыдился сказать, что видит зеркало впервые в жизни. То есть своё отражение он, конечно, видел — и в лужах, и в реке, но чтобы так...

Реслав вдруг резко обернулся и отвесил затрепину оборванному чумазому пацану, вертевшемуся за его спиной.

— А ну, сгинь, пострел! — Пощупал кошелек за пазухой — не стащили ли.

Из толпы вынырнул Балаж.

— Ф-фу! Насилу вас нашёл. — Он вытер пот рукавом. — Жарко! Пошли дальше, что ль?

Потянулись ряды с разной живностью: утки-гуси, свиньи, прочая скотина. Здесь стояло множество телег, воняло мокрой шерстью и навозом, продавцы и покупатели торговались, спорили, бранились, ударяли по рукам. Троицким приятелям тут тоже делать было нечего, и Реслав поспешил свернуть в обжорный ряд, где румяные разбитные торговки сбывали фрукты-овощи, масло, яйца и молоко. Здесь тоже толпился народ, шныряли нищие. В воздухе тучами летали мухи.

— А почём твоё масло, хозяйка? — подмигнув приятелям, подъехал Реслав к одной из них.

— Три менки крынка, хлопчик.

Реслав состроил озадаченную мину:

— У! Дорого... Да хорошее ли масло-то?

— Как не хорошее! Да ты попробуй, сердешный, попробуй, коль не веришь...

Реслав выудил из кармана добрый ломоть хлеба, подцепил ножом кус масла. Размазал, сжевал.

— Ну?

— Чтой-то не разобрал, — неуверенно сказал он. — Может, у соседки лучше?

— Лучше? Да разве ж у неё масло?! Это ж обрат один! Глянь-ка сам!

Соседка затеяла перебранку. Реслав незаметно перешёл к следующему лотку.

— Смекаете? — обернулся он к Жуге и Балажу. — Только шибко не жадничайте, понемножку берите. Базар большой.

Дважды повторять не пришлось. Приятели двинулись вдоль рядов, пробуя масло, творог, сметану. Зачерпнули жменью семечек, закусили яблоками, грушами. Напоследок выпили квасу на полушку и, заморивши червячка, пришли в хорошее настроение. Дела и заботы на время отступили, людской поток вынес троицу на окраину, где близ широких богатых

улиц крутились разные веселья. По пути попалась пёстрая толпа цыган. Пели, плясали, водили медведя. Медведь фыркал, мотал длинной узкой мордой, вставал на задние лапы, тоже плясал, косолапо, неумело. Народ веселился, но почему-то было жаль топтыгина.

— Береги кошельки, хлопцы! — весело прикрикнул Реслав, рассекая плечом толпу. — Цыгане, они ушлые — детей в рванину обряжают, да золото возами возят!

Молодая белозубая цыганка в ответ на это зыркнула весёлыми чёрными глазами, рассмеялась и исчезла в толпе, лишь взметнулись вихрем цветастые юбки. Пиликали скрипки. Через минуту Реслава и Балажа вынесло к столбу. Народ вокруг хихикал, подзуживал. Невысокий, простоватого вида паренёк лез наверх, где в плетёной клетке сидел большой золотисто-зелёный петух. Хозяин петуха — толстый бородач в красной рубахе — прохаживался вокруг, растревлял публику:

— А ну, честной народ, не гляди друг другу в рот! Кто сильнее, кто ловчей — не скажи, не ворожи! Достань петуха — силу покажи да подарок заслужи! Сей каплун — знатный калкун, курячий топтун, он же лакомый кус на пирушку, а на носу имеет завитушку! Ай, хлопец-молодец, лезет — не долеет! Эй-эй, гляди, вниз не упади!

Столб, видно, был смазан, а может, просто гладко стёсан — под свист и улюлюканье парнишка съехал вниз, не добравшись до клетки двух саженей.

— Эк слетел, знать, мало каши ел! — развеселился хозяин. — Народ честной, деревенский-городской, не смотри да не стой, коль карман не пустой! Менку бросай да наверх полезай! Молод или стар, добудь самовар!

Только теперь друзья заметили награду победителю — около столба, на столике сиял колобокой медью полуведёрный самовар. Вещь, что и говорить, дорогая да и в хозяйстве полезная. Парень с вислыми усами выдвинулся из толпы, бросил в шапку менку, поплевал на ладони и полез наверх.

Реслава разобрало.

— Ну, шпарит толстопузый, как по писаному! — Он приставил ладонь козырьком, посмотрел наверх. — Не, не долеет... А добрый самоварчик! Слазать, что ль, за пятахом? А может, ты, Балаж, попробуешь?

Из толпы вынырнул Жуга.

— Эк растащило вас на дармовые самовары! — усмехнулся он, но тоже поглядел наверх с интересом. — Вишь, чего придумали...

— Ты где был?

— Так... шатался окрест. Что, Реслав, полезешь?

— А ты?

— С моей-то ногой? Не...

Усатый меж тем тоже до петуха не добрался. Реслав шагнул вперёд.

— Ну-ка, дай я! — Скиданул рубаху, сапоги и сунул всё Балажу. — Присмотри. — Бросил хозяину менку.

— А вот хлопец добрый, сильный, хоробрый! Долго не спешил, да вишь-таки решил. Полезешь, стало быть? — разошёлся зазывала.

— Будет цокотать-то. — Реслав обошёл столб, вытер о штаны потные ладони. — Расчесал язык... Скажи лучше по чести, отдашь самовар, коли залезу?

— Вестимо, отдам!

Реслав под смех толпы с дотошностью осмотрел самовар и полез наверх, по-медвежьки обхватив гладкий столб. Лез он неторопливо и, хоть скользок был путь, к цели помаленьку приближался. Вскарабкавшись саженей на пять, остановился, перевёл дух. «Лезь давай! — кричали снизу. — Слабó?»

Реслав попал на скользкий участок, съехал чуток. Толпа засвистела, засмеялась. Реслава разобрала злость. Он рванулся, ухватился за клетку. Дверца не поддалась. Реслав крикнул, рванул что было сил, и вся плетёная стенка с треском вылетела вон. Реслав от неожиданности чуть не свалился.

Толпа ахнула радостно. Петух вырвался наружу, встряхнулся, расправил крылья и неуклюже слетел вниз. Следом съехал Реслав.

— Ай, молодец! — вскричал в притворной радости хозяин. — Достал-таки! Возьмёшь самовар аль другой какой товар? Может, деньгами хочешь? Два талера даю.

— Ну, нет! — усмехнулся Реслав. — Коль обещал, давай обещанное.

Народ развеселился, Балаж насилу вытащил Реслава из толпы. Потный, красный, тот стоял, сжимая в охапке круглое пузо самовара, и улыбался.

— Во как!

— Трудно было? — поинтересовался Балаж.

— А, ерунда... Брюхо только занозил. — Реслав нырнул головой в рубаху, надел сапоги и огляделся вокруг. — А где Жуга?

Рыжая долговязая фигура Жуги маячила у маленькой полосатой палатки, где полный лысоватый человечек торговал травами и амулетами. Балаж и Реслав подошли поближе.

— А вот оберёг возьми, хлопец. — Продавец покачал на кожаном шнурке штуковину — курячий камень «с дырочкой». — Недорого отдам — четыре менки всего прошу, зато от сглазу сохранит.

Жуга равнодушным взглядом обвёл лежащий на прилавке товар.

— Баловство всё это, хозяин, — с неодобрением сказал он и взъерошил волосы рукой. — Камушки, деревяшки пустые... Да и травы собраны бестолково. Ежели хочешь знать, у тебя только одна тут вещь стоящая.

— Да? — насторожился торговец. — Какая?

Реслав хотел было вмешаться (Жуга явно нарывался на завышенную цену), но передумал и остался в стороне.

— А вот! — Жуга указал в угол лавки.

Брови торговца удивлённо поднялись: там не было ничего, лишь спал, свернувшись на одеяле, растрёпанный, похожий на самого Жугу рыжий котёнок.

— Кот, что ли? — пробормотал толстяк.

— Продашь?

— Отчего не продать? Продам, — оживился продавец, протянул руку, подхватил кота. Тот сонно жмурился, зевал. Вытянул шею, с любопытством обнюхал протянутую руку Жуги, потёрся об неё и заурчал. Это был ещё почти котёнок — рыжий, с белыми тапочками на лапках и смешным чёрным пятнышком на мордочке, будто ткнулся в сажу и позабыл умыться. Ярко-зелёные глаза его смотрели просительно и доверчиво.

— Сколь просишь?

Торговец замаялся.

— Десять менок, — наконец объявил он.

Жуга покачал головой:

— Много! Не жадничай — это ж кошка, не корова. Три менки дам.

— Да ты что! — поперхнулся торговец. — За такого кота... Семь менок — и баста!

— Четыре, и ни менки больше, — упирался Жуга.

— Шесть — и расстанемся друзьями.

— Пять.

— Ну, хорошо, — сдался хозяин, — пусть будет пять. Забирай.

Жуга отсчитал деньги, взял котёнка и посадил его за пазуху. Двинулись дальше.

— С ума сошёл! — накинулся на него Балаж, едва лишь отошли в сторону. — Такие деньги за облезлого кота! Пять менок!..

— Остынь, — осадил его Жуга. — Я заработал, я и трачу как хочу.

Начало темнеть. Выбравшись с базара, снова закружили по улицам.

— А ну, разойдись! — послышался окрик. Дородный шляхтич в богатом зелёном жупане прогарцевал на сером в яблоках коне. Жуга замешкался, и спину его пребольно ожгла плеть. Отшатнувшись, он злобно посмотрел вслед всаднику и потёр плечо.

— Я же упреждал... — начал было Реслав и смолк: Жуга переменялся в лице, вытянул руку и пробормотал что-то, тихо — не разберёшь.

Через миг окно над заносчивым шляхтичем распахнулось, и судомойка сослепу выплеснула на него таз грязной воды, охнула испуганно и подалась назад. Шляхтич разразился отборной бранью.

— Ну ты даёшь! — поражённо сказал Реслав.

Жуга насупился.

— Я совсем не то хотел, — словно оправдываясь, сказал он. — Я думал, у него подпруга лопнет, а тут таз...

Послышался шум. Друзья обернулись и успели увидеть, как шляхтич, хоть и наездник был добрый, вместе с седлом мешком повалился на мостовую, запутавшись в стремянах. Реслав прыснул и отвернулся.

— Уйдём, — сказал он. — Не ровён час осерчает, накинется с саблей... Свернули поспешно за угол.

Впереди по улице шла стройная черноволосая девушка с цветастым платком вокруг бёдер. Оглянулась на миг. Жуга побледнел и вдруг рванулся за нею бегом.

— Мара! Погоди, Ма... — догнал, ухватил за плечо.

Девушка вздрогнула испуганно, обернулась.

Жуга опустил руку.

— Прости, обознался я... — смущённо потупился он.

Девушка быстро пришла в себя, улыбнулась.

— Бывает, хлопец! — перебросила косу через плечо. — Да ты не ищешь ли кого?

— Ищу вот... — Он замялся. — Тоже девку одну. Схожи вы больно, вот я и не разобрал в потёмках...

— Да я чем хуже? — игриво улыбнулась та.

Реслав со своим самоваром сердито нахмурился — не успели в город прийти, а уж подцепили продажную девку. Балаж, однако, смотрел на неё с интересом.

— Как звать тебя, рыжий? — спросила она.

— Жуга, — произнёс травник угрюмо — уж очень напоминала эта уличная девчонка пропавшую красавицу Мару и фигурой, и лицом.

— Жуга? — рассмеялась она. — Смешное имя! Что это у тебя за пазухой?

Котёнок шевелился, ёрзал под рубашкой. Жуга вытащил его.

— У меня... Вот...

Повисло неловкое молчание. Девушка ждала, поглаживая котёнка. Тот мурлыкал.

— Сколько ты хочешь? — наконец спросил Жуга. Та вздрогнула, покосилась на Реслава — тот стоял с рожей краснее самовара у него в руках и смотрел зверем, — вздохнула, улыбнулась невесело.

— Двадцать, — наконец сказала она.

— Менок?

— Да.

Жуга оглянулся на друзей.

— Есть тут поблизости комната с ночлегом?

Девушка вытянула руку:

— Вон там корчма добрая, у Ладоша. Да и вино хорошее подаёт. — Стрельнула глазами, потупилась. — Пойдём?

Балаж махнул рукой: мол, чего там, пошли. Реслав хотел вмешаться, но промолчал.

— Знаешь это место, Реслав? — спросил Жуга.

— Ещё б не знать! — проворчал Реслав. — Всё верно: и заночевать можно, и поесть. Только...

— Что?

— А, ладно, пойдём. Всё равно надо где-то остановиться, — сдался он и первым зашагал вниз по улице. Жуга с девушкой двинулись следом.

— Ты не хочешь спросить, как меня зовут? — тихо спросила она.

— Я знаю, — ответил Жуга. — Влана.

Та посмотрела испуганно и промолчала, лишь кивнула согласно.

Позади всех понуро плёлся Балаж.

* * *

Питейное заведение Ладоша оказалось средних размеров двухэтажным строением, крытым красной черепицей. Вместо вывески над входом болталось на цепи выкрашенное в жёлтый цвет тележное колесо. Окна были остеклены. Трое приятелей вошли и огляделись. Сквозь сизые облака табачного дыма виднелись длинные дощатые столы с лавками, громоздящиеся у дальней стены бочки, маленький закуток, где расположились музыканты, и ведущая на второй этаж покосившаяся лестница.

— Га-га-га!!! — гулким басом вдруг захохотал кто-то за дальним столиком, поднялся и направился к ним. — Это же Реслав! Чтоб мне лопнуть — Реслав! Какими судьбами?

Обладателем громового голоса был высоченный широкоплечий детина с чёрной шапкой густых волос, упрямым широким лбом и свороченным в давней драке носом. Добравшись до Реслава, он хлопнул его по плечу так, что тот присел, и ослабил в добродушной ухмылке.

— Здорово, старый чёрт! — гудел он. — Ты где пропал? Чё это у тебя, самовар, что ли? Ну ты даёшь! А это что там за рожи?

— Здравствуй, Олег, — несколько смущённо сказал Реслав и обвёл взглядом помещение. — Что, Шварц тоже тут?

— Шварц? Да ну его в качель! Пить совсем не умеет... Тотлис-то, слышь, и его тоже выгнал. Ага, ага. Да ты, поди, знаешь! Эти двое с тобой?

— Со мной, — кивнул Реслав. — Это вот Балаж, а это — Жуга.

— Ну, Жуга так Жуга. Меня Олегом кличут, — объявил он. — Мы с Реславом вместе у Тотлиса в подмастерьях ходили. С кем девка-то?

— Со мной она, — нахмурился Жуга.

— Ну, валяйте к нам, не обидим! Вино у Ладоша доброе, а комната найдётся. Эй, хозяин! — крикнул Олег так, что зазвенели стёкла. — Четыре кружки вон за тот стол!

— Про что гуляем? — спросил Реслав.

— Да именины у одного хлыща — вон сидит, Альбином звать, купца Свега Кашилла сын.

— А второй кто?

— Литвин-то? Да Валдис, мокрая спина! Не узнал, что ль? Бороду он отпустил.

— А-а...

Пока петляли меж столов, Реслав поведал друзьям про Олега. Поступили они к Тотлису в обучение, да только Олег недели не продержался — уж

больно погулять любил да и нрав имел буйный. Силой же, однако, Бог не обидел — устроился после работать на мельницу.

— Из варягов он, тех, что у нас осели, — пояснил Реслав. — Не чаял я его тут встретить... Ну да ладно, пошли.

По пути остановили хозяина, справились о комнатах. Сторговали две за шесть менок, утвердили самоварище посередине стола и присоединились к Олеговой компании.

Альбин оказался богато одетым молодым человеком с пресыщенной физиономией балованного недоросля. Флегматичный Валдис с рыжей, щёткою торчащей бородой курил трубку. Рядом сидели ещё трое-четверо прихлебателей, крутились накрашенные девицы. Одна из них тут же забралась Балажу на колени, тот не стал возражать. Жуга устроился с краю, положил посох поблизости. Влана села рядом. Хозяин принёс вино — красное, терпкое. С непривычки у Жуги зашумело в голове, накатила приятная истома. Помещение помаленьку заполнялось народом.

Кутёж Альбина и Олега набирал обороты. Пили за встречу, за здоровье именинника, ещё раз за здоровье. Просто так тоже пили. Закусывали хлебом, салом, жареным мясом, солёными грибами. С лёгкой руки Олега пропили и самовар. Жуга вскоре потерял к пьянке интерес. Котёнок у него под рубашкой царапался, лез наружу, парень вытащил его и посадил на лавку. Посмотрел на Влану.

— Как его зовут? — спросила та, улыбнувшись.

Жуга пожал плечами:

— Не знаю. Торговец не сказал, а я не вспомнил спросить.

— Смешной какой. На тебя похож! И нос будто в саже... Назови его Сажек. Чем не имя для кота?

— Сажек? — Жуга поднял бровь, почесал в затылке, усмехнулся. — Почему бы и нет? Сажек так Сажек... Сколько тебе лет?

— Семнадцать... А как ты угадал, что меня Вланой зовут?

— Долго рассказывать. — Жуга помолчал, хлебнул из кружки. Разговор не клеился. Влана казалась лишь тенью образа, который остался в памяти. Жуга насупился, огляделся вокруг.

Балаж, уже с двумя девицами на коленях, ничем не напоминал того убитого горем паренька, который вызволил их из сарая. Он раскраснелся, реготал, опустошал кружку за кружкой. За окном давно стемнело, зажгли свечи. Вскоре Балаж выпросил у Реслава ключ, прихватил обеих девиц и убрался наверх, в комнату. Сам Реслав с пьяной серьёзностью что-то втолковывал Олегу. Валдис придирчиво разглядывал насаженный на вилку солёный груздь. Альбин спал, уронив голову на стол.

Неожиданно Олег встрепенулся, заметив кого-то у входа. Жуга перехватил его взгляд и обернулся: прямо к ним направлялись четверо мрачного вида парней. Появление их не сулило ничего хорошего.

— А-а, нашли, сволочи! — злорадно вскричал Олег, засучивая рукава. — Мало я вас тогда метелил, ещё хотите? Нате!

Завязалась свара, в которую быстро втянулся ещё десяток человек из-за соседних столов. Реслав бросился на подмогу. Слышались крики, грохот бьющейся посуды. Кто-то поспешно метнулся к двери. С треском и звоном вылетело окно. Перед Жугой возникла из дымной завесы пьяная морда, ослабилась, занесла сивую лапу. Жуга коротко отбил удар и с размаху обрушил кружку на квадратный затылок нападавшего. Схватил Влану за руку: «Наверх! Быстрее!» — вернулся до стола, схватил под мышку посох и котёнка. Отпихивая дерущихся, Жуга и Влана добрались вдоль стены до лестницы и поднялись в комнату. Дверь за ними захлопнулась.

Драка внизу пошла на убыль. Четверых зачинщиков вышвырнули, оставшихся растащили, поставили на место опрокинутые столы. Валдис исчез. Альбин окончательно сполз под стол. Реслав и Олег, понурые и побитые, сидели одни за большим столом и оглядывали разгром.

— Эх, погуляли... — буркнул Реслав. — Кто это были?

— Давняя история, — поморщился Олег. — Муку продавали с песком, гады, а говорили, будто наша. Ну, я потом нашёл двоих, вытряс из них душу, а они, вишь, снова на меня... Где друзья твои? Этот, рыжий... Жуга, что ль?

— Н-наверху... — выдавил Реслав. — С бабами...

— Да... — вздохнул Олег. — Нас на бабу променял... Бабы — это дело гиблое. К-каждая женщина, — он важно поднял палец, — это, брат, сирена... Попадёшься — пропал. Ты м-меня уважаешь?

— У... уважаю.

— Тогда выпьем...

Приятель сдвинул кружки, озадаченно посмотрели внутрь, затем друг на друга: кружки были пусты.

— Плохо, — пожаловался другу Олег.

— Ощень плохо, — согласился Реслав.

* * *

Жуга проснулся, едва забрезжил рассвет, и долго лежал с открытыми глазами, глядя в потолок. Повернулся на бок, посмотрел на Влану. Та лежала, безмятежная в утреннем сне, мягкие волосы рассыпались по подушке. На губах её теплилась улыбка. Жуга погладил рукой шелковистые чёрные пряди, улыбнулся своим мыслям, вздохнул. Поднял голову. В ногах, пригревшись на одеяле, спал Сажек.

Комната была обставлена проще некуда: широкая кровать с верёвочной сеткой и толстым войлочным матрасом, два стула, в углу — табуретка, кувшин и таз для умывания. Полотенца не было. Жуга выскользнул из-под одеяла, натянул штаны и подошёл к окну.

От реки шёл лёгкий туман. Солнце ещё не взошло, но шпили и островерхие коньки высоких крыш уже играли золотом. Жуга постоял в задумчивости и принялся умываться.

Проснулась Влана, потянулась сонно. Улыбнулась.

– Доброе утро, Жуга!

– Утро доброе, – отозвался он. Котёнок спрыгнул на пол, подошёл к нему, потёрся о штанину. Жуга мысленно отругал себя, что забыл его покормить. Наверное, у хозяина можно было найти молока.

– Жуга, – позвала Влана.

– Что?

– Откуда ты пришёл?

– С гор я.

Влана села, зашуршала одеждой. Подошла к нему, положила руку на мокрое плечо. Провела тёплыми пальцами по шраму.

– Откуда это?

– Подарок. От добрых людей. – Жуга перестал плескаться, выпрямился. Посмотрел ей в глаза, улыбнулся с грубоватой нежностью. – Не надо об этом, Вланка.

– Странный ты, Жуга, – задумчиво сказала девушка, перебирая пальцами густые пряди волос. – Скажи, у тебя... были женщины до меня?

– Нет.

– Ты хороший. – Влана подошла к окну, ловкими движениями заплетая косу. – Кого ты ищешь? Чем тебе помочь?

Жуга натянул рубаху. Пригладил мокрые волосы.

– Скажи, – замялся он, – давно ты... так...

– Год, – равнодушно ответила она. – Может, чуть больше. С тех пор, как отец умер.

– Мне очень нужно знать, – продолжил после минутного молчания Жуга, – когда девчонки... выходят на улицу, ну...

– Я понимаю...

– Бывает, что они не возвращаются? Пропадают?

Влана задумчиво помолчала. Пожала плечами.

– Наверное... Впрочем, да. Особенно если одна и в первый раз. По неопытности, наверное. А что?

– В первый раз... – Жуга вспомнил, как вчера резвился некогда безутешный Балаж, и в голову ему пришла неожиданная мысль. – Ч-чёрт...

– Что?

– Яд и пламя, как я раньше не подумал об этом?! – Жуга заметался, подобрал котомку, вытащил кошель.

– Не надо... – начала было Влана, но травник лишь махнул рукой. Высыпал деньги на одеяло – менок сорок, отобрал себе две-три, остальное оставил.

– Бери, не перечь, – сказал он, подхватил Сажека, задержался на миг у дверей. – Помоги тебе Бог, Вланка, – сказал он. – Мне пора.

– Может, ещё свидимся, – грустно улыбнулась та. – Будешь в Маргене – заходи к Ладошу.

– Всё может быть. Жизнь долгая. – Он улыбнулся тоже, поднял посох. – Прощай.

– Прощай.

* * *

Внизу было тихо. Двое ранних посетителей закусывали жареной рыбёшкой. За столиком в углу сидели Балаж и Реслав и похмелялись после вчерашнего. Балаж выглядел невыспавшимся, моргал красными глазами. Реслав обзавёлся роскошным синяком под глазом. Кошело у обоих были пусты.

— Говорил я, — укоризненно сказал Реслав, когда Жуга спустился, — не надо было сюда идти. Уж больно вино у Ладоша крепкое.

— С чего вы драку-то вчера затеяли? — спросил Жуга.

— Эт разве драка! — ухмыльнулся Реслав. — Ты скажи спасибо, что Бертольд Шварц не пришёл — тот бы до утра шуровал. Эх, где он сейчас, морда немецкая... Деньги есть, Жуга?

Оба с надеждой посмотрели на него. Тот покачал головой.

— И этот туда же... — неодобрительно заметил Реслав. — Все менки псу под хвост... Э, дурни! Чё дальше делать будем?

Жуга кликнул хозяина, спросил кружку молока и жареной рыбы на всех. Отлил молока котёнку в миску, бросил рядом рыбью голову. Реслав вынул засохший ломоть хлеба. Принялись за еду.

— Вот что, Балаж, — хмуро сказал Жуга, когда с рыбой было покончено. — Ответь мне: девка Ганка или нет?

Тот захлопал глазами:

— Ты что, Жуга, глаза потерял?! Вестимо, девка.

Терпение травника лопнуло.

— Я тебя спрашиваю, кобёл бесхвостый! — рявкнул он. — Девка Ганка или *уже* нет?!

Балаж совсем растерялся.

— При чём тут это? — спросил он и покраснел до кончиков ушей. Промолчал.

— Не успел, стало быть! — удовлетворённо кивнул Реслав. — Ай да Ганка, молодчина, не далась дураку... а правда, при чём тут это?

Жуга уже думал о своём. Посмотрел в окошко.

— Сегодня что, опять базарный день?

— Так ведь базар всю неделю будет: осень, — пояснил Реслав, вздохнул грустно. — Денег только нет.

В углу зашевелились. Жуга обернулся: с брошенного в закутке одеяла поднялся невысокий белобрысый паренёк, зевнул, нахлобучил чёрную катаную шляпу с лентой, вытащил из ниши потёртую скрипку, любовно сдул с неё пыль. Видно, это был один из вчерашних музыкантов, заночевавший прямо тут. Жуге вспомнилось, как лилась вчера, словно густое вино, плачущая вазурская дойна, встал и подошёл к нему.

— Здоров будь, хлопец, — начал он. — Как звать тебя?

Паренёк с некоторой опаской оглядел угловатого рыжего незнакомца и улыбнулся, не почуяв угрозы.

— Здорово, коль не шутишь. Иваш я.
— Меня Жуга зовут. Подзаработать хочешь?
— Кто ж не хочет! А что делать надо?
— Слышал я твою скрипку вчера. А повеселее можешь?
Скрипач заулыбался. Кудрявые волосы выбились из-под шляпы.
— Шутишь? Конечно могу!
— Кто вчера играл с тобою? Можно сейчас кого сыскать?
— Владек-цимбалист тут вроде оставался ночевать, наверху. А больше всё. К вечеру разве что.

Жуга кивнул:

— Годится. Тащи его сюда. Что заработаем, третья часть ваша.
— Да что делать-то? — не отступал Иваш.
— Вам? — Жуга поднял бровь, рассмеялся. — Играть! Инструменты захватите.

Вернувшись до стола, он подхватил мешок и посох. Реслав и Балаж вопросительно смотрели на него.

— Сколько задолжали? — спросил Жуга.
— Тридцать шесть менок, — ответил Реслав.
— С полушкой, — добавил Балаж и почему-то покраснел.

* * *

На базаре было людно. Реслав и Жуга шли первыми, волоча за ручки большую жаровню. Раскрасневшийся Балаж тащил вязанку дров. Последними шли Иваш и дородный чернявый Владек со своими цимбалами.

Реслав начал смекать, что к чему, когда Жуга отыскал ровное место и разжёл жаровню. Балажа услали за второй вязанкой, а когда вернулся, за третьей. Народ останавливался, с любопытством поглядывал и проходил мимо.

— По углям ходить будешь? — тихо спросил Реслав. Жуга кивнул:

— А что остаётся?
— Ну, покудесничать малость.
— Мало тебя, дурака, били.

— Всё не могу взять в толк, как это у тебя получается, — задумчиво сказал Реслав. — Наговор, что ль, какой?

— Да какой там наговор. — Жуга поворошил угли, подбросил ещё дров. — Тут всё просто. Главное — не бояться и ногу поплотнее ставить, чтобы воздух не попал.

— Гасить их, что ли?

— Вроде как... Ещё муть не надо ноги, ни до, ни сразу после. А то ещё плохо, если железки в костёр попадут. Вот они обожгут так обожгут.

— Это что ж, — опешил несколько Реслав, — и я б так смог?

— Отчего нет? Потом попробуешь... Помнишь, ты вчера за петухом лазал? Зазывай народ, чем ты хуже того мужика? Сможешь?

– Попробую.

Жуга оттолкнул пару-тройку любопытных и опрокинул жаровню. Угли рассыпались, развалились мерцающей горкой. Прихваченной кочергой разровняли правильный круг сажени в три. В жаровню подложили новые поленья на добавку. Жуга скинул царвули, повернулся к музыкантам, улыбнулся:

– Вжарьте побойчее. Эх, жаль, что светло!

– А мне что делать? – спросил Балаж.

– От тебя толку мало. Возьми, вон, барабан...

Стал скапливаться народ, привлечённый зрелищем. Владек с Ивашем заиграли потихоньку, а когда собралось побольше людей, умолкли. Реслав заробел было, да вспомнил, как в глаза обжуживал торговков на рынке, как складно врал вчера дядька с петухом, и начал:

– Ай, честной народ, чего стоишь, под ноги глядишь? Раздай, расступись, а не то погоришь... – Он замешкался было, но на выручку пришёл Жуга:

– Вишь, угли пылают, жаром пугают, а заметишь грош, так и по углям пойдёшь! – Он обошёл круг, худющий, рыжий, словно сам выскочил из огня, осклабился весело. – Бросайте менки, берегите коленки – огонь не велик, да стоять не велит!

Снова вступил Реслав:

– Али вправду говорят, будто ноги не горят? – Он тоже двинулся вкруг углей. – Эй, добры молодцы, девицы красные, гляньте на диво! Всё повидали, всякого-разного, лишь по углям не ходили, глянь, как красиво!

Жуга подмигнул музыкантам. Иваш поднял смычок. Грянула плясовая. Глухо, сбивчиво бухал барабан. Жуга притопнул, всей пятой ступил на угли и – вперёд, вперёд, шажками мелкими, как горох, двинулся по кругу в лихом переплясе.

Народ ахнул, загомонил. Кто-то под напором людской толпы остушился на угли, ругнулся и отскочил. Все засмеялись, забили в ладоши.

Жуга спрыгнул на землю. Музыканты дали паузу.

– Ещё! – крикнули в толпе. В подставленную шляпу полетели менки, полушки, пятаки. – Ещё! Ещё!

– Во народ, застояться не даёт! – веселился Реслав. – Кто не верит, пускай проверит, да потом всё одно никто не поверит! Эй-эй, посмотри на нас, раскрой глаза да уши, смотри да слушай весёлый пляс!

Ударили по струнам.

Жуга разошёлся, угли так и летели во все стороны. Реслав ощутил вдруг весёлую дрожь в груди, сел, стянул единым махом сапоги и, забыв, для чего он тут, припечатал босой ногою горячие угли. Припечатал и пошёл, разбрасывая тлеющие огоньки, выгоняя из башки пьяную дурь, засмеялся от нахлынувшей радости: «Могу!» Поймал весёлый взгляд Жуги – тот подмигнул лукаво – знай наших! «Эх, эх, жги!»

Было жарко и больно, но на удивление терпимо. Реслав вприпрыжку пересёк огненный круг, постоял на холодных камнях и двинулся сызнова. Кое-где в угли упали медяки, Реслав, памятуя наставленья травника, старался обходить их стороной. Жуга нагибался, выхватывал их, пока не нагрелись, скалился весело.

Угли почти погасли. Реслав подскочил к жаровне: «Поберегись!» — опрокинул. Толпа подалась назад. Свежие угли были горячее, мерцали красно, вспыхивали бегущими огоньками. Реслав заробел было, но Жуга уже махнул рукой: «Дава-ай!» — и первым выскочил на круг. И вновь плясали оба, крича шуточки-прибаутки, пока не растоптали угли в пыль, в мелкую золу...

...Толпа разбрелась. Владек оборачивал свои цимбалы в чехол. Реслав сидел на земле, рассматривая попеременно свои босые ступни: ожогов и впрямь не было, лишь краснели две-три царапины да пахло копчёным.

Жуга вытер ноги тряпичей, надел башмаки. Посмотрел на Реслава.

— Ну, молодец! — одобрительно сказал он. — Не ожидал я. Эй, Иваш, сколько там?

— Три сотни, сорок две! — объявил тот. — Хотя на серебро меняй — почти четыре талера. Ну вы и задали жару! Отродясь такого не видывал. Как это у вас выходит? Держите. — Он протянул кошель и Сажека (кота на время прятали в мешке, чтобы не путался под ногами). Жуга принял, хотел что-то сказать, но тут послышался грохот, цокот копыт: это, запряжённый четвёркой лошадей, проехал и свернул на улицу богатый экипаж. Мелькнуло морщинистое лицо старика, вислые усы, копна седых волос.

— Ишь, поехал! — пробормотал Иваш. — На четвёрке...

— Кто это? — спросил Балаж.

— Михай Пелевешич, вельможный пан... Поместья у него тут и замок за городом. Да и в самом Маргене он большую власть имеет.

Сзади послышался непонятный шум. Все обернулись: Жуга стоял, глядя вослед экипажу. Сажек в диком страхе повис у него на рукаве, расцарапав руку до крови.

Жуга повернул голову. Взгляд его был страшен.

— Жуга! — всполошился Реслав. — Ты чего, Жуга?!

— Сколько ему лет? — хриплым голосом спросил он. Все молчали, и Жуга, не дождавшись ответа, закричал: — Сколько ему лет?!

* * *

Ночь выдалась тёмной и ненастной. Шелестел по крыше дождь. В корчме у Ладоша было пусто, лишь в углу за столом сидели четверо. Теплилась жёлтым язычком свеча. Чуть в стороне на лавке спал котёнок.

— ...Лараш Зегальский, городской каштелян, — сосредоточенно загибая пальцы, вспоминал Иваш. — Вильгельм Штох, купец Бременский, тоже давно тут живёт. Олекса Григулевич, тоже купец. Гжегож Пшимановский,

шляхтич знатный... — Иваш показал два сжатых кулака. — Вот... Всем почти под девяносто, остальным — немногим меньше.

— Н-да... — Жуга сидел, подперев голову рукой, глядел на свечу. — Не знаю, что и думать... Ничего не примечаешь, Реслав?

— Все из разных краёв, — подумав, сказал тот.

— Вот-вот, — кивнул Жуга. — И все богатые.

Балаж растерянно глядел то на одного, то на другого.

— Ну и что? — спросил он. — Что тут такого?

— Помолчи ты... — отмахнулся Жуга. Глянул на Иваша. — Чей замок там, по дороге на запад?

— Там, что ли? — Тот махнул рукой. — Да как раз пана Пелевешича замок и есть. Мы, кстати, завтра туда ехать собираемся.

— Вы? — поразился Жуга. — Зачем?

— Так праздник же! Сыну его, Мареку, двадцать пять стукнуло. Народ соберётся, музыкантам рады будут.

Жуга встрепенулся, многозначительно глянул на Реслава. Тот понял без слов — слишком уж много совпадений. Упускать такой случай было нельзя.

— Возьмёте нас? — спросил Жуга.

— Отчего не взять? — отозвался Иваш добродушно. — А может, ты и сам на чём-нибудь играешь? Тогда ещё лучше. Не знаю, правда, на телеге поместимся, нет.

— На свирели могу, — сказал Жуга. — А не поместимся, пешком пойдём. Лишними не будем, верно, Балаж?

Балаж к этому времени уже совсем перестал что-то понимать.

— Пожалуй, что и верно... — пробормотал он. — Только... Гм!

— Вот и ладно, — подытожил Реслав. — Ну, будем здоровы!

Друзья сдвинули кружки.

* * *

На телеге поместились.

Музыкантов подобралось четверо: Иваш, Владек, грузный и немолодой уже Михай со струнной волынкой и весёлый, ладно сбитый Григораш, который, казалось, мог играть на чём угодно. Выехали засветло. До городских ворот добирались без малого час, так узки были улочки Маргена. Михай правил. Григораш прикорнул на охапке соломы. Жуга, Балаж и Реслав прикупили новые рубашки, обзавелись шляпами. Жуга раздобыл гребень, еле расчесал свои вихры. Сажек свернулся у котомок, спал.

У ворот неожиданно повстречали Олега.

— Здорово, Реслав! — окликнул он и ухмыльнулся весело. — Никак вы до Пелевешича? А, и Жуга здесь! Здравствуй, здравствуй. Как поиски ваши?

Реслав закричал, заёрзал.

— Ничего пока...

— Что ты ему наплёл? — тихо спросил Жуга. Реслав пожал плечами: «Не помню!» Олег тем временем уже запрыгнул на повозку.

— Подвезёте?

Михай обернулся, глянул неодобрительно, но кивнул: езжай, мол.

— Может, возьмёте в долю? — Олег подтолкнул Реслава локтем, подмигнул. — Вчетвером сподручнее. Мельница всё равно пока стоит, а лишние менки никому не помеха. Чай, и мне чего отсыпется. Узнали что-нибудь?

Жуга посмотрел так, что Реслав чуть не спрыгнул с телеги, ничего не сказал, лишь потянул к себе Сажека, погладил. Кот разнежился в руках, подставил пузо, замурылкал.

Миновал полдень. Лошадёнка неспешно тащилась по дороге меж лесов и полей. Слева голубой лентой вилась Длава. Роса уже высохла, от ночного дождя не осталось и следа. Частенько встречали прохожих, обогнали гружённую дынями телегу. То и дело слезали на ходу, шли рядом, разминая ноги. Ближе к вечеру появились комары, зудели, толклись серыми облачками. Пора было подумать о ночлеге.

Жуга глядел в сторону. Реслав перехватил его взгляд, посмотрел туда же. Меж деревьев был просвет, там, на поляне, розовели в закатных лучах щербатые камни древнего дольмена. Жуга вздохнул, отвернулся. Проехали, а версты через три нашли удобное место у реки. Развели костёр, отужинали. Михай и Владек улеглись на телеге, остальные расположились под деревом у огня. Стреноженная лошадь паслась неподалёку.

Стемнело. Стараниями Жуги поспел душистый травяной отвар. Достали кружки. Олег отхлебнул, крикнул одобрительно, зачерпнул ещё. Жуга молчал, присматривался к путникам, думал.

Григораш поёжился, накинул на плечи одеяло, посмотрел в костёр, затем — на небо, вынул из мешка свирель, поднёс было к губам, да покосился вдруг на Жугу.

— Эй, рыжий!

Травник поднял взгляд:

— Что?

— Сказывали, ты на свирели артист. — Григораш ухмыльнулся, сощурился лукаво. — Покажи, а?

Жуга поколебался, взял протянутую свирель, повертел в руках. С минуту сидел неподвижно, слушая ночной лес.

— Ну же! — подначил Григораш.

Но Реслав осадил его:

— Не лезь.

Жуга поднял свирель.

Полилась мелодия, тихая, незатейливая, с мягкими бегучими перебивками, смолкла неожиданно. И вдруг за рекой залился, затенькал, отвечая, трямка-пересмешник — птица малая, ночная. Музыканты переглянулись.

Жуга играл, полузакрыв глаза, мелодия словно бы разделилась на два голоса, и уже не уловить было мотива и не понять, кто ведёт — то ли свирель в руках рыжего паренька, то ли птица за рекой.

Всё смолкло.

Неожиданно все вздрогнули: вниз по тёмному стволу дерева скользнула лёгкой тенью рыжая белка-веверица. Скакнула парню на плечо, блеснула чёрными глазами-бусинками, ткнулась ему в ухо, как сказала что-то, и через миг, сполохом метнувшись вверх, затерялась в листве.

— Дивно играешь, Жуга, — выразил общее мнение Олег. — И звери, звон, тебя любят. Чудные дела!

Больше никто ничего не сказал, все задвигались, зашуршали одеялами, укладываясь спать. Костёр почти погас. Реслав уже засыпал, когда послышался тихий голос Жуги:

— Реслав...

— Что?

Жуга помолчал.

— Ты не ходи за мной сегодня.

* * *

Среди ночи Реслав проснулся. Жуги не было, лишь котёнок свернулся рыжим калачом на одеяле в изголовье.

Далеко на востоке, где стоял старый дольмен, тихо пела свирель.

* * *

До замка добрались вскоре после полудня. Он стоял на невысоком холме, серые стены высились неровной каменной кладкой. Узкие стрельчатые окна, некогда бывшие бойницами, ныне были застеклены. На красных шатровых крышах развевались цветные флажки. Башен было пять — четыре угловые и высокий центральный донжон. Широкий квадратный двор мощён был камнем, ворота раскрыты. Повозка с музыкантами миновала подъёмный мост и остановилась. Жуга спрыгнул на мостовую, огляделся. Вокруг сдвигали столы, разгружали телеги, смеялись, гомонили. Из раскрытого подвала выкатывали бочки. Михай распряг лошадь, повёл её в стойло.

Подошёл Реслав.

— Приехали, Жуга, — сказал он. — Что дальше?

— Погоди, Реслав, не мешай, — отмахнулся тот. — Не пойму никак... В башнях они, что ли, живут?

— Ну да, внутри и в этой, как его... Если что, поднимают мост: попробуй залезь.

— Да от кого обороняться-то?

Реслав пожал плечами:

— Должно быть, было от кого... А надёжное место!

— Да, место надёжное. — Жуга прищурился, приставил ладонь козырьком. — Что в той? — Он указал на одну из четырёх угловых цитаделей.

— Откуда мне знать! — Реслав поглядел туда же, силясь понять, что привлекло внимание друга. Башня как башня, ни выше, ни ниже остальных. Хотя...

Реслав бросил быстрый взгляд на три другие, сравнивая, и хмыкнул: окна западной башни были зарешечены.

Он хотел что-то сказать, но в этот момент затрубили трубы и на обтянутом красным и зелёным помосте появился Михай Пелевешич с сыном и свитой. Был он стар, но шёл легко, без посторонней помощи. Остановился, заложив большие пальцы рук за толстый богатый пояс, обвёл толпу суровым взглядом из-под кустистых бровей, ухмыльнулся. Сын его, Марек, был широкоплечий, высокий, с русой бородой, похожий на отца.

— Вольные горожане! — начал он. — Крепостной люд! Нынче знатный день — моему сыну исполняется двадцать пять!

Голос его оказался неожиданно громким и ничем не походил на старческий. Ему подали украшенный камнями кубок.

— Я пью за его здоровье!

Народ загомнил: «Долгие лета! Долгие!» Пелевешич осушил чашу, вытер ладонью длинные седые усы.

— А теперь, — объявил он, — выкатывайте бочки, несите снедь! Веселись, честной народ, пей, ешь до утра, кто сколько сможет! Это говорю я, Михай Пелевешич!

Раскрылись кухонные двери, наружу повалила челядь с подносами. Заиграли музыканты. Вышибли днища у бочек с вином. Пан Пелевешич удалился в замок — пировать дальше со своими.

Жуга тронул Реслава за плечо:

— Пойдём.

Реслав направился было вслед за Пелевешичем, но Жуга дёрнул его за рукав:

— Не туда, дурень! — и устремился к чёрному ходу.

Выбрав момент, когда поток людей с закусками прервался, они вошли, миновали кухню, где никто не обратил на них внимания, и поднялись по лестнице. Когда вышли в коридор, позади послышался топот, и их нагнал запыхавшийся Балаж.

— Погодите! Я с вами!

Жуга поморщился, но ничего не сказал, лишь сделал знак — молчи, мол. Сажек заворочался у него за пазухой, высунул голову. Жуга затолкал её обратно и двинулся по коридору к западной башне.

Реслав шёл следом, всеми печёнками ощущая нарастающую тревогу. Музыкантов они предупредили, что сидеть на одном месте не собираются. Олег же больше интересовался бочками с вином, чем прогулками по замку.

В коридоре царил полумрак, окна попадались изредка. В железных подставках торчали незажжённые факелы. Было тихо, лишь доносились со двора музыка и шум толпы да топал позади Балаж.

Внезапно коридор кончился. Жуга прислушался, отворил массивную дубовую дверь — та открылась тихо, без скрипа. Реслав поколебался, перед тем как войти, — уж слишком легко им всё удавалось.

За дверью с небольшой площадки висела узкая каменная лестница. Здесь было совсем темно. Жуга постоял, опершись на посох, и двинулся вверх, нащупывая в темноте щербатые ступени. Через несколько минут томительного кружения все трое остановились перед обитой железом дверцей. В окошко, пробитое в стене, виднелись уходящие вдаль поля и извивы реки. Жуга потрогал толстые квадратные прутья оконной решётки, вытер ладонь о рубашку. Вделанные в стену, их концы белели свежим цементом.

— Недавно вставили, — прошептал Реслав, — года не прошло.

Жуга кивнул, указал посохом на дверь: здесь. Оттуда доносился приглушённый шум, шаги. Звякнуло стекло.

Реслав решительно не представлял, что там могло быть. Он стоял как на углях. Похоже, теперь их отделяла от цели только эта дверь, но что будет, когда они войдут? Да и надо ли входить?

Замка в двери не было. Жуга взялся за ручку, надавил потихоньку. Петли не скрипели. Через приоткрывшуюся щель потянуло сладким незнакомым ароматом. У Балажа засвербело в носу, он поморщился, засопел. Жуга оглянулся, показал ему кулак: «Убью!» — открыл дверь и проскользнул внутрь, Реслав за ним. Балаж замер в нерешительности, торопливо перекрестился и полез следом.

Реслав выпрямился, оглядывая небольшое полукруглое помещение. Справа, у окна стоял стол, уставленный колбами, ретортами, ступками, фаянсовыми чашечками и разным другим алхимическим инвентарём. Книжная полка была забита множеством тяжёлых, переплетённых в кожу фолиантов. Посреди комнаты на полу стояла жаровня, где курились сизым дымком какие-то травы. Реслав вдруг почувствовал дурноту и ухватился за плечо стоявшего перед ним Жуги.

У камина, спиной к двери стоял смутно знакомый человек в просторном одеянии. Когда все вошли, он обернулся. Всколыхнулись полы длинной хламиды, мелькнула окладистая белая борода. Блеснули тёмные глаза из-под нахмуренных бровей.

— Тотлис! — успел ахнуть в изумлении Реслав и через мгновение провалился в темноту.

За спиной его со стуком рухнул на пол Балаж.

* * *

Первой вернулась боль. Накатила волной, ударила в голову, налила свинцовой тяжестью руки. Реслав поморщился, открыл глаза. Огляделся.

Он находился всё в той же полукруглой комнате, куда они вошли вместе с Балажем и Жугой, стоял у стены с воздетыми руками: запястья,

схваченные железными кольцами, цепями были прикованы к стене. Слева от него точно в такой же позе стоял Жуга, ещё дальше повис на цепях Балаж. Жуга, видно, тоже только что очнулся — тряс головой, моргал, сжимал и разжимал затёкшие пальцы. Посмотрел угрюмо на Реслава, ничего не сказал.

Реслав повернул голову.

За окном было темно. Горел огонь в камине. Справа на стене разгнали тьму два факела. Там же находилась обитая железом дверь, через которую они вошли, прямо напротив — другая.

Перед ними стоял Тотлис.

— Очнулись, стало быть, — усмехнулся он, подошёл к столу, установил вертикально большой, в два локтя окружности диск, разукрашенный кривыми красными полосами, и завёл ключиком хитрый механизм. Диск закрутился неспешно, отвлекая внимание. Реслав почувствовал, что не может оторвать от него взгляда — стоило лишь посмотреть в сторону, как глаза неумолимо возвращались к мельканию красных полос. В жаровне по-прежнему тлели травы. Веки отяжелели от приторного дыма, диск крутился, мысли вяло ворочались в голове. Краем глаза Реслав заметил, как Жуга поднял голову.

Тотлис подошёл ближе.

— Итак, ты всё-таки явился, — произнёс маг. — Я ждал тебя. А ты упрям! Надеялся застать меня врасплох? Напрасно. Не спорю, ты действительно много узнал и многому научился, но что толку в этих знаниях! Ты помнишь, кто воскресил тебя? Думаешь, ты что-то значишь сам по себе?

Жуга молчал.

— Знаешь, кто ты? — усмехнулся Тотлис. — Ты кукла, марионетка, ведома глупым, давно забытым божеством. И ты ещё во что-то веришь? Вот и сейчас ты пришёл сюда за женщиной, так? Тебя снедают пустые страсти, ты жаждешь любви, мести. Глупец! Отринь всё это! Ты думаешь, нашёл меня? Нет, это я сделал всё, чтоб привести тебя сюда!

Жуга молчал. Крутился, поскрипывая, красный круг. Реслав со страхом вдруг вспомнил слова Жуги, сказанные им на дубовой поляне: «Иначе ты не пришла бы ко мне в моём последнем сне». Тогда он думал, что речь идёт о сновидении этой ночи, но теперь Реслава пробрала дрожь. Последний сон!

Смерть.

Реслав раньше не мог взять в толк, как Жуга спасся от мести валашских горцев, но сейчас вдруг воочию представил, как била, навалившись, чужеродного паренька разъярённая толпа и как тот выкрикнул в отчаянии последний наговор, и эхо долго носило меж горных вершин его предсмертный крик.

Реслав закрыл глаза, но почти сразу открыл их вновь. Проклятый диск не давал сосредоточиться, хотелось смотреть и смотреть. Реслав облизал пересохшие губы, сглотнул. Язык ворочался во рту, словно ватный.

— Не смотри на всяких недоучек. — Тотлис махнул рукой на Реслава. Голос его мягко увещевал. — Я давно слежу за тобой. Ты — единственный, кто достоин быть моим учеником. Тебя слушаются птицы и звери, ты — чародей, владеющий тайной молитвой целебных трав — это от Бога! Но я, — голос его зазвенел торжествующе, — я, Тотлис-маг, познавший силу земли и минералов, сам выбираю себе богов! Именем твоим заклинаю тебя, Ваха-рыжий, иди со мной! *Кевата-риха!*

Воцарилось молчание, лишь потрескивали, догорая, поленья в камине. И вдруг... Жуга рассмеялся. Звякнул цепью, переступил с ноги на ногу.

— Так вот ты каков, Тотлис-маг! — тряхнув кудлатой головой, сказал он. — Складно врешь! Верно, я помню, кто вернул меня *оттуда*. Но я ещё помню, как я попал *туда*. Дважды ты прикрывался мною, обдывая свои грязные делишки, — хрипло продолжал Жуга. — Мара, Ганна... Скольких ещё невинных девушек ты обескровил ради своего молодильного зелья, проклятый паук?! Видно, много платили тебе городские богачи!

Тотлис изменился в лице, побагровел, недоумённо покосился на крутящийся диск — Жуга вовсе не выглядел замороженным.

— Ты верно подгадал: скоры волохи на расправу... А только и я тогда верные слова нашёл, видно, и смерть вспять повернула. А кто мне помог, это не твоё собачье дело. Ты...

Тотлис вскинул руки, сплёл пальцы в решётку.

— Именем Малха, Вехеора и Аваса приказываю тебе, Ваха-рыжий, замолчи! — вскрикнул он.

— Ты дурак, Тотлис! — усмехнулся Жуга. — Думаешь, меня остановят эти травки и твой дурацкий зелёный кругляк? Смотри же! *Алахойста!* — крикнул он, и цепи, державшие его, со звоном лопнули.

Маг смотрел на него в немом изумлении. Жуга выпрямился — худой, страшный. Огонь из камина отбрасывал на стену его колышущуюся тень.

— Я не Ваха, — сказал он. — Когда-то меня и вправду звали Ваха-рыжий, но это имя умерло вместе со мной, а нового не знаю даже я сам. Я Жуга! Жуга! — Он взмахнул руками. Обрывки цепей взметнулись двумя серебристыми змеями.

Тотлис взвыл и кинулся вперёд.

— *Арета-эхистера!* — вскричал он, и Жугу отшвырнуло обратно к стене, ударило с такой силой, что он замешкался на миг и оглушённо затряс головой. Маг поднял руки, готовясь нанести решающий удар, но в этот миг — где только прятался? — выпрыгнул, налетел рыжий когтистый вихрь, вцепился Тотлису в лицо.

Сажек!

Маг вскрикнул и замахал руками, отбиваясь. Жуга меж тем поднялся, волоча обрывки цепей, встал, выпрямился. Из носа и ушей его текла кровь. Тень за его спиной, казалось, стала ещё больше, извивалась, дёргалась, взмахивая цепями.

— *Кфул!* — вскричал Жуга. Котёнок метнулся в сторону, выглянул опасно из-за стула. На лице Тотлиса отразился ужас — он не мог больше говорить!

Маг заметался, ринулся было к столу, где лежал короткий бронзовый меч, но руки Жуги уже взвились в диком танце, плетя невидимую сеть, цепи кружились вокруг него серебристым куполом, расколотое звено чиркнуло по щеке, пустив бежать ещё одну струйку крови. Ещё несколько взмахов — и Тотлис мешком рухнул на пол, спелёнутый по рукам и ногам.

Жуга сжал кулаки. Пальцы его светились.

— Вот и всё, Тотлис-маг, — тяжело дыша, сказал он. — «Сам себе бог!» Тебе нечему меня учить. Ты разменял свой дар на менки, жалкий крохобор, ты никому больше не причинишь зла. Я, Ваха-рыжий, прошедший смерть, пляшущий в огне, именем твоим проклинаю тебя — сгинь!

Жуга воздел руки и, как тогда, в горах, выкрикнул одно-единственное слово, потонувшее в грохоте камней. Пальцы его разжались.

Башня зашаталась, посыпалась штукатурка. Длинная трещина прошла по потолку, и огромный кусок комнаты вместе с камином, столом и лежащим на полу магом рухнул вниз.

Реслав разинул рот: башня замка раскололась пополам!

Некоторое время ещё катились камни, шуршала щебёнка, затем шум стих. Вместо стены мерцало чистыми звёздами ночное небо. Реслав, Жуга и Балаж оказались стоящими на небольшой площадке меж двух дверей. Факелы погасли, воцарилась темнота.

Жуга опустил руки, стоя на краю. Молчал. Шли минуты.

Неожиданно в тёмном воздухе перед ним облачком закружилась серебристая пыль, сложилась в неясный силуэт, замерцала.

— Ты пришёл, — хрипло сказал Жуга, — или мне это только кажется?
— *я здесь*, — подтвердил бесплотный голос.

Жуга постоял в молчании, улыбнулся криво.

— Ты с самого начала обманул меня, явившись в женском обличье, — сказал он. — Но теперь я знаю твоё имя. Ты — Амброзий, бог великого древнего народа с запада.

Пылинки заискрились ярче, и в воздухе у обрыва возникла фигура древнего старца в плаще, с посохом в руке. Белая борода ниспадала до пояса, в складках развевающейся одежды пряталась темнота.

— Да... Ты прав, — произнёс он. — Это одно из моих имён.

— Я больше ничего не должен тебе, — сказал Жуга. — Моё возвращение оплачено сполна.

— Это так. Хочешь теперь узнать своё имя?

Жуга помолчал.

— Нет, — наконец ответил он. — Узнать его от тебя — значит опять стать твоим должником. Придёт время, и я его узнаю сам. Скажи лишь, я угадал настоящее имя Тотлиса?

— Да. Его звали — *Рохобор*.

– Я найду Мару?

– Мара мертва.

Жуга вздрогнул, промолчал.

– Не хотелось верить, – проговорил он, – но раз так... Что ж, прощай.

– Прощай, – ответил старик. – Теперь тебе не нужна свирель, чтобы меня позвать. Сохрани её для других. Возможно, наши дороги ещё сойдутся... когда-нибудь...

Фигура его стала прозрачной, пыль рассеялась, и воцарилась тишина. Древний бог ушёл.

* * *

Первым делом Жуга поднял и раздул факел, потом разыскал в одном из сундуков большущие кусачки с длинными ручками, освободился от цепей, срезал наручники с Балажа и Реслава. Похлопал последнего по щекам, приводя в чувство. Тот застонал, открыл глаза.

– Давно он в обмороке? – спросил Жуга.

– Как загремело, он и откинулся, – сказал Реслав, потирая багровые садины на запястьях. Кивнул на вторую дверь. – Что там?

– Сейчас посмотрим.

Дверь оказалась незапертой. Вошли. Огонь осветил маленькую каморку с окном, белую фигуру на лежанке.

– Ганка! – ахнул Реслав, бросился вперёд. – Ганка, ты... Господи, Ганночка...

На девушке была лишь длинная белая рубашка без рукавов. Её густые длинные волосы маг обрезал. Руки Ганны покрывали шрамы и рубцы; на её бледном, измученном бесчисленными кровопусканиями лице блестели слезы.

– Жуга... – прошептала она. – Реслав... Реславка! Хлопчики... Пришли! Пришли... – упала Реславу на плечо, заплакала. Тот неловко обнял её, погладил по стриженной голове. – Он... он... – всхлипывала она.

– Всё прошло... – пробормотал Реслав. – Всё прошло... всё.

В каменную кладку стены было вделано кольцо, от которого к ноге девушки тянулась цепь. Жуга чертыхнулся, передал факел топтавшемуся позади Балажу, притащил кусачки и скусил заклёпку. Цепь со звоном упала на пол.

– Идём, – сказал он.

Идти Ганна не могла – слишком была слаба. Реслав поднял её на руки. Жуга отыскал Сажека, погладил, сунул за пазуху. Осторожно пройдя по узкому карнизу, оставшемуся от комнаты, вышли на лестницу.

– Но Тотлис-то, Тотлис! – покачал головой Реслав. – Каков гад! А я ещё в учениках у него ходил... Вот и верь после этого людям. Теперь начнётся кутерьма: богачи как мухи дохнуть будут.

– Пусть дохнут, – буркнул Жуга. – За всё приходится платить... Зато наследнички обрадуются – заждались небось.

Снизу вдруг послышались шаги. Все остановились, напряжённо всматриваясь в темноту. Блеснул свет факела, из-за поворота показалась знакомая широкоплечая фигура.

— Олег!

— Ну, наконец-то! — вскричал тот, бросаясь навстречу. — Живы! А это кто? Эва! Девка немощная. Её искали, что ль?

— Её, — кивнул Реслав.

Олег сунул факел Жуге.

— Эх, бабы, бабы... Все беды из-за них. Дай-ка я...

Он осторожно подхватил Ганку, поднял её, словно пушинку, и понёс, не переставая говорить:

— Я весь замок обегал, вас разыскивая. Здесь вход завалило, еле раскидал... Чё гремело-то там?

— Так... сволочь одну прибили.

— Ничего себе — прибили! Вся халабуда вон раскололась вдребзги и пополам.

— А гости где?

— Смеёшься? — повернул голову Олег. — Едва башня рушиться начала, только их и видели! Пан Пелевешич со всей челядью первый удрал. Один я только остался.

— Не забоялся?

— А чего мне бояться?

Жуга с Реславом переглянулись, усмехнулись понимающе.

За воротами обнаружилась беспризорная лошадь. Свели на двор, запрягли в одну из телег. Ганну уложили на свёрнутые одеяла, укутали теплее, принесли воды. Жуга отыскал в повозке музыкантов их котомки, побросал в телегу. Запасливый Олег пробежался вдоль столов, набил мешок снедью. Зачерпнул напоследок ковш из бочонка.

Двинулись в путь.

Ночь была прохладная, звёздная. Поскрипывали колёса. Олег вызвался править. Ганка лежала, глядя на Реслава, улыбалась грустно. Балаж молчал, насупившись: о нём все забыли. Жуга сидел сзади, глядя на удаляющийся замок, гладил задумчиво Сажека. Котёнок всё ещё вздрагивал, косился по сторонам, затем перелез через мешки и подобрался Ганне под руку.

— Ах! — удивилась та от неожиданности. — Кошка!

— Это кот, — с улыбкой поправил её Жуга.

— Как его зовут?

— Сажек.

— Сажек... — Она погладила котёнка. Тот замуркал, заурчал, свернулся у неё под боком. Уснул.

Повозка проехала ещё несколько вёрст, и полуразрушенный замок словно страшный сон растворился в ночи.

* * *

Реслав проснулся затемно. На ночлег стали близ реки, от воды тянуло холодком. Над росистой травой стлался густой туман. Вдалеке куковала кукушка. Постель Жуги была пуста.

Реслав встал, прошёл мимо шалаша, который вчера соорудили для Ганки, чтоб не дуло, и направился к реке. Олег и Балаж спали, забравшись под телегу. Реслав прошагал ещё немного, и вскоре впереди замаячил неясный серый силуэт человека.

Жуга сидел на берегу, скрестив ноги, смотрел на бегущую воду.

— Ты, Реслав? — спросил он, заслышав шаги.

— Я. — Реслав сел рядом, помолчал. — Чего не спишь?

— Кукушку слушаю, — отозвался травник.

— Ну и сколько накуковала?

— Считать устал. Как там Ганка? Спит?

— Спит.

Жуга вытащил из воды котелок с остывшим отваром:

— Я тут ей приготовил... чтобы силы поддержать.

Помолчали.

— Я, Жуга, вот что тебе хочу сказать, — начал наконец Реслав. — Наговоры твои... в общем... цвет...

— Я знаю, — кивнул Жуга. — Я не различаю красное и зелёное. Мне многому придётся учиться заново. А ты, Реслав, по-прежнему думаешь магию изучать?

Реслав задумался.

— Не знаю. Хочется, конечно, но как вспомню Тотлиса, так прямо оторопь берёт. Столько лет учиться, чтобы потом превратиться в такое вот. Хотя, может, он и раньше был такой. Подлец — он и без магии подлец. Знаешь, Олег с утра в Марген собирается.

— А вы? — спросил Жуга.

Реслав потупился:

— В Чедовуху, наверное... А ты разве нет?

Жуга помолчал.

— Знаешь, Реслав, — наконец сказал он. — Меня ведь что раньше погоняло? Ненависть, злоба... месть. А теперь всё ушло. Мары больше нет... Пусто как-то. Я ведь даже имени своего не знаю, так, прозвище — Жуга. — Он подёргал себя за волосы. — Только жизнь и осталась, а я... не знаю, что с ней делать. Дорог на свете много, попробую отыскать свою.

— А как же...

— Ганка спит? — перебил его Жуга.

— Спит... — растерянно ответил Реслав.

— Так вот, сделай всё, чтобы она спокойно спала. Любит она тебя, понял, дурень? Так-то.

Кукушка неожиданно смолкла. Жуга мотнул вихрастой головой, засмеялся тихо.

— Чего смеёшься? — набычился Реслав.

— Я уж думал, не остановится она. Ишь сколько накуковала. Ну, пойдём, Реслав, — солнце встаёт.

* * *

После завтрака Олег запряг лошадь, выехал на дорогу. За лесом уже виднелись островерхие шпильки Маргена.

— Ну, прощаться будем? — подытожил он. — Пора мне. Лошадь я верну, знаю я её — Витольда-рябого кобыла. Кто со мной в Марген?

Реслав пожал плечами, посмотрел на Ганну. Та уже была не так бледна, как раньше, улыбалась. Если бы не рубашка ниже колен да чересчур заметная грудь, коротко остриженную Ганку можно было принять за мальчишку.

— Езжай, — сказала она. Подошла, взяла Олега за руку. — Спасибо тебе. Будешь в Чедовухе — заходи. Отца моего Довбушем зовут.

Олег замылся, засопел. Проворчал: «Эх, бабы...», залез на телегу, тронул вожжи. Помахал рукой: «Прощайте!» — и вскоре скрылся за поворотом.

— Чай, и нам в путь пора, — сказал Балаж.

Ганна молчала. Подняла руку к плечу, по привычке поискала косу. Покосилась на Жугу. Тот улыбнулся.

— Реслав?

Реслав замылся, потупился неловко.

— Я... это... — Он посмотрел на Ганну, покраснел. — Может, всё-таки пойдёшь с нами в деревню, а, Жуга? Довбуша проведем. Пошли, а?

Жуга помолчал.

— Ты иди, Реслав, — наконец сказал он, — а мне там делать нечего. И в горы возвращаться тоже не хочу. Довбушу мой поклон. Пусть не сердает на меня.

Повисло неловкое молчание.

— Куда ж ты теперь?

Жуга пожал плечами.

— Куда-нибудь. Голова да руки везде пригодятся. — Он полез за пазуху, вытащил Сажека. Протянул Ганке. — Возьми, Ганна. Он хороший. Пусть живёт у... — Он поглядел на Реслава и закончил: — ...У вас.

Ганна потупилась смущённо, зарделась. Посмотрела на Реслава, улыбнулась:

— Спасибо, Жуга...

Балаж молчал. Выражение лица у него было самое кислое.

— Тут, неподалёку, город есть, — сказал после недолгого молчания Реслав. — Вечно с его жителями что-то приключается. Может, там для тебя дело найдётся?

– Может быть. Как он называется?

– Гаммельн.

Жуга покивал задумчиво, посмотрел вдаль.

– Пожалуй, я загляну туда.

– Прощай, друг, – сказал Реслав. – Я не забуду, как мы вместе ходили по углям. Может, ещё свидимся.

– Прощай, Реслав. Счастья тебе. И тебе, Ганна. Да и тебе, Балаж, тоже.

Жуга повернулся и зашагал вдоль по дороге. Остановился, поднял на руке посох, размахнулся, забросил его в кусты и пошёл дальше, уже не останавливаясь.

Он всё шёл и шёл, а двое парней и девушка всё стояли и молча смотрели ему вслед, пока его нескладная фигура не скрылась вдали.

Оправа:
ГОВОРЯЩИЙ

2

Медведь повернул к травнику перемазанную земляничным соком морду. Фыркнул.
«И это всё? Ты просто повернулся и ушёл?»

Жуга пожал плечами.

— Нет. Конечно нет. Но как я мог остаться? Для чего?

«Вы, люди, вечно ищете, как обмануть природу, — задумчиво проговорил медведь. — И эти ваши глупые самки тоже... А этого колдуна из старой баини я знаю».

— Ты хотел сказать — знал?

«Ах-ф! — вздыбился медведь. — Знал, знаю, буду знать — какая разница?! В конце концов, совсем не в этом дело... Тот, кто помог тебе вернуться в мир, мог разъяснить и остальное. Глупая человеческая гордость! Почему ты отказался?»

Травник промолчал, и зверь успокоился так же внезапно, как и разъярился.

«Ну ладно, — проворчал он. — Что там было после?»

ТРИ СЛЕПЫХ МЫШОНКА

Вывеска была яркая и большая.

На серой каменной стене она сразу бросалась в глаза, заметно выделяясь из череды грубых жестяных бочонков, сапог, кренделей и колбас, коих множество висело над дверями прочих лавочек и мастерских. Чувствовалось, что хозяин не поскупился и нанял умелого рисовальщика: на жёлтом фоне в прихотливом обрамлении зелёных листьев полукружием изгибались красные готические буквы.

Надпись гласила:

**IOGANN GOTLIB
FARMACIVS**

В правом нижнем углу была нарисована медная ступка с пестиком, в левом — стеклянный флакончик. Подойдя ближе, можно было прочесть написанное мелкими буквами: «Мази, эликсиры, порошки, настойки и дру-

гие целебные снадобья по доступным ценам. С разрешения муниципалитета города Гаммельна».

И всё.

Что тут непонятного?

Господин Иоганн Кристиан Готлиб, главный аптекарь города, сидел в большом кожаном кресле и задумчиво смотрел в окно, уже битых полчаса наблюдая, как странного вида паренёк на той стороне улицы рассматривает его вывеску. То был высокий, нескладный малый лет двадцати, с копной взъерошенных рыжих волос, ничем особо не примечательный, правда, может быть, несколько мрачноватый для своего возраста. Впрочем, последнее легко было объяснить: на улице шёл дождь.

Даже не дождь, а холодный осенний ливень, вымывающий из городских стен последние остатки летнего тепла. Небо заволокло тучами от края и до края. Тяжёлые как свинец капли с тупым упорством долбили черепицу крыш, плясали мелкими брызгами, потоками низвергались в жерла водосточных труб, чтоб вырваться из жестяного плена далеко внизу и бежать, бежать вдоль по улицам холодными бурлящими ручьями...

Стояла осень, тот период между октябрём и ноябрём, когда уходящее лето ещё может на прощание подарить пару тёплых дней, но обманывать себя становится всё труднее, да и нет уже бодрящей утренней свежести, лишь висит в воздухе промозглая осенняя сырость да пахнет прелой листвой.

Осень — это такая пора, когда чешутся и болят старые раны, ноют суставы и выползает невесть откуда застарелый ревматизм, а уж о простуде и говорить нечего: каждый второй кашляет и чихает. В такие дни в аптеке у Готлиба обычно не бывало отбою от покупателей, но сегодняшний ливень отпугнул, кажется, всех. Редкие прохожие кутались в тяжёлые намокшие плащи и шли быстро, чуть ли не бегом, и лишь рыжий паренёк напротив аптеки был недвижим, стоял, о чём-то размышляя.

Часы на городской ратуше пробили половину шестого. Иоганн Готлиб покосился на камин, где догорали последние угольки, вздохнул и плотнее запахнул подбитую мехом накидку — его знобило. Аптекарь было пятьдесят восемь, а это не такой возраст, когда организм способен сам себя обогреть, да так, что можно даже стоять на улице под проливным дождём...

Да что он торчит там, у стены, словно привязанный?

Готлиб заёрзал, устраиваясь поудобнее в скрипучем кресле, и в этот момент незнакомец, словно услышав его мысли, вдруг перешёл улицу и направился к дверям аптеки.

Звякнул колокольчик.

Господин Готлиб встал, неторопливо спустился по лестнице и сам открыл дверь — прислуги у него не было, лишь приходила готовить и прибирать престарелая фрау Марта.

За дверью было сыро и холодно.

— Добрый день.

Стоявший на пороге юноша был на полголовы выше старого аптекаря. Яркие голубые глаза смотрели цепко и внимательно. У правого виска белел узкий рваный шрам. Одежда его была мокра, с волос капало.

— Добрый день, — с лёгкой улыбкой согласился Иоганн Готлиб, хотя по всему было видно, что день сегодня выдался хуже некуда. — Чем могу служить, молодой человек?

Юноша остался серьёзным, лишь переступил неуверенно и снова покосился на вывеску.

— Мне сказали, — медленно выговаривая слова, произнёс он, — что здесь живёт господин Готлиб, городской знахарь. Это так?

Готлиб кивнул с медлительной важностью.

— Да, это я. Но я не знахарь, юноша, я служу фармации именем Господа и науки. Среди моих клиентов много городских вельмож и даже сам граф фон Оппенгейн... Мне показалось, ты долго раздумывал, прежде чем постучаться. Тебя смутила моя вывеска?

— Я плохо умею читать, — хмуро признался паренёк. — Да ещё эти рогатые буквы...

— Вот как? — Готлиб поднял бровь. — Думаю, в любом случае трудно пройти мимо такой яркой надписи.

Паренёк замялся смущённо.

— Видите ли... э-ээ... — Он замешкался, провёл рукой по мокрым волосам. Стряхнул с ладони холодные капли. — Как бы это сказать... В общем... Аптекарь умоляюще воздел руки:

— Довольно. Довольно, юноша. Кажется, я совсем тебя запутал... У тебя, наверно, дело ко мне?

— Да, я...

— Пройдём в дом. Мои кости уже не те, что раньше, и не выносят такой сырости, да и ты слишком долго пробыл под дождём, чтобы нормально соображать.

— Спасибо, — сказал гость, перешагивая через порог. — По правде сказать, я люблю дождь.

— Неужели? — Иоганн Готлиб закрыл за ним дверь. — Ха-ха! Кто бы мог подумать... Многие говорят, что любят дождь, сидя при этом у зажжённого камина, но я впервые встречаю человека, который признался в этом, промокнув предварительно до нитки... Поднимайся.

Сейчас, когда между ними не было запотевшего стекла, господин Готлиб смог лучше рассмотреть своего неожиданного гостя.

Теперь аптекарь понял, что первое впечатление его обмануло: юноша был не столь уж высок, как казалось, но странное сочетание худобы и угловатости создавало иллюзию большого роста. Резкие черты лица и шрам на виске слегка старили его; рыжие всклокоченные волосы и пух на подбородке, наоборот, делали моложе. Одежда и чересчур мягкое произношение выдавали в нём южанина, а лёгкая походка — уроженца гор. Э, да он хромает!

«Сколько же ему лет?» — неожиданно для самого себя задумался вдруг Готлиб и понял, что не может пока ответить на этот вопрос.

Он опустил в своё любимое кресло и указал рукой на стул:

— Присаживайся.

— Благодарю. — Гость подошёл к камину и протянул руки к огню. — Я тут постою.

Потухшие угольки вдруг замерцали трепетными язычками, бросая в комнату бледные отсветы. За окном постепенно темнело.

— Огонь ты тоже любишь? — спросил аптекарь.

— Огонь? — Парень пожал плечами. — Наверное... А что?

С промокших рукавов его рубашки поднимался пар.

Готлиб уселся поудобнее и вытащил из футляра гусиное перо.

— Ну-с, зачем ты хотел меня видеть?

Парень поднял взгляд.

— Я только вчера пришёл в Гаммельн... — сказал он, разминая озябшие пальцы.

— На заработки?

— Нет, по делу. Но денег у меня и вправду нет.

Аптекарь нахмурился:

— А при чём здесь я?

— Вы ведь знахарь?

— Фармациус! — недовольно поправил Готлиб.

— Да... э-ээ... фар-ма-цевс. — Паренёк с трудом повторил незнакомое слово и сбросил на пол слегка подмокший заплечный мешок. — У меня здесь травы. Редкие. С гор. А мне нужны деньги. Вот...

Старик заинтересованно подался вперёд.

— Почему ты думаешь, что я их куплю? — спросил он.

Тот пожал плечами и вместо ответа развязал мешок. На стол высыпались многочисленные свёртки, пучки трав и корней. Их было столько, что некоторые упали на пол.

У Готлиба перехватило дыхание. Если бы из мешка незнакомца хлынул золотой песок, аптекарь бы удивился меньше: мало того что это были редкие травы — это были очень редкие, вдобавок прекрасно собранные травы! Некоторое время он перебирал тонкими старческими пальцами сухую зелёную россыпь, поднося к самому лицу пучок за пучком, и не верил своим глазам. Карагана и бризалис! Бевисса! Адонис! А этот липкий комок... неужели... горный воск?!

Пришелец терпеливо ждал ответа.

— Откуда это у вас? — срывающимся голосом спросил аптекарь, невольно переходя на «вы». — Кто вам это дал?!

Рыжий парень пожал плечами:

— Никто. Я собирал сам.

— Молодой человек, да у вас талант! Кто вас учил?

— Дед Вазах, — хмуро сказал юноша. — Так вы купите их?